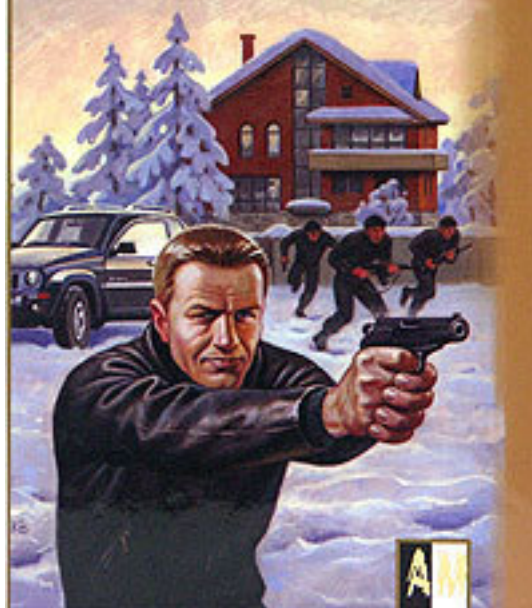

БОЕВИК ОТ АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

**МЕНТ: РОЖДЕСТВО
ПО-НОВОРУССКИ**

Мент

Александр Золотько

Рождество по-новорусски

«Автор»

Золотько А. К.

Рождество по-новорусски / А. К. Золотько — «Автор»,
— (Мент)

ISBN 5-17-033882-1

Новой русской элите нужна собственная полиция, состоящая из неподкупных, независимых профессионалов. Таких, как крутой опер Юрий Иванович Гринчук. Вот только характер у него слишком независимый. И прежде чем получить право самостоятельно карать и миловать олигархов, капитан должен показать, что он именно тот, кто нужен. Поэтому ему поручают дело, где в один кровавый клубок спутаны интересы бандитов, прокуратуры, чиновников, бизнесменов...

ISBN 5-17-033882-1

© Золотько А. К.

© Автор

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2	20
Глава 3	38
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Золотько

Мент: Рождество по-новорусски

Глава 1.

Снег вкусно похрустывал под ногами. В другое время Олег Андреевич Фомин назвал бы такое похрустывание приятным, но когда нужно тихо следовать за объектом наблюдения, оценки очень многих вещей сильно изменяются. Вот как оценка легкого бодрящего морозца.

Это с утра, после теплой постели и крепкого кофе морозец был воспринят как бодрящий. А вот после восьми часов практически непрерывных передвижений по заснеженному городу легкий морозец мелкими шажками успел неоднократно пробежаться по организму Фомина, не смотря на предусмотрительно надетое теплое белье.

С другой стороны, Фомин признавал, что если исключить возникшее сегодня у объекта желание к длительной пешеходной прогулке, то вел себя объект исключительно удобно. Он не выходил на пустынные улицы, не нырял в проходные дворы и не пытался скрыться в суеде магазинов или рынков. Вел себя объект как положено обычному рядовому гражданину, не подозревающему о том, что вот уже почти две недели за ним ходит хвост. И не один.

Олег Фомин был профессионалом, и как профессионал великолепно понимал, что один, даже самый талантливый филер имеет слишком много шансов попасться на глаза. Посему Фомин работал бригадой, имея, на всякий случай, пару толковых ребят на подстраховке.

Хотя, если быть совсем честным, нынешний объект в подобном эскорте не нуждался. За две недели он продемонстрировал Фомину и его людям все свои привычки, большая часть из которых, по мнению Фомина, были вредными. Зато свидетельствовали о постоянстве характера объекта. Или клиента, как привык называть своих поднадзорных Фомин.

Утро у клиента начиналось достаточно поздно – часов около десяти. Клиент выходил из дому, зябко подняв воротник кожаной куртки, и следовал в бар, который находился метрах в пятидесяти от дома. Если в первый раз Фомин удивился, обратив внимание на неуверенную походку клиента, то после первого же дня наблюдения удивление сменилось брезгливостью.

Зайдя утром в бар, клиент заказывал стакан коньяку, выпивал его, гадливо морщась, а потом несколько секунд стеклянным взглядом смотрел на два кружочка лимона, приготовленные барменом. Иногда лимон съедался, иногда – нет. И это было единственным отличием в начале трудового дня клиента.

Следующую дозу в двести граммов коньяка он принимал около полудня, в кафе неподалеку от центрального рынка, закусив напиток половинкой пирожного-безе. Около двух часов дня клиент обедал в ресторане «Закат», заканчивая прием пищи, традиционным стаканом коньяку. Около шестнадцати ноль-ноль, независимо от погоды, клиент снова выпивал стакан коньяку, но уже возле небольшого кафе-киоска и к девятнадцати ноль-ноль прибывал в клуб «Кентавр», где либо уединялся с владелицей клуба в ее кабинете, либо развлекался игрой на бильярде. Как показало наблюдение, за время игры, до двадцати четырех часов, маленькими рюмками клиент принимал еще около трехсот граммов любимого им напитка.

Возвращался он домой своим ходом, чаще всего пешком, на ногах держался достаточно уверенно, но Фомин постоянно боялся, что однажды клиент упадет в сугроб, и придется его либо оставлять на верную смерть, либо тащить домой на себе.

Хотя заказчик строго предупредил о недопустимости засветки наблюдения.

А желание заказчика для Фомина всегда было законом. По ряду причин.

Еще работая на государство, Олег Фомин был особо отмечен тем, что имеет дар оставаться незаметным и не привлекать к себе внимания, и то, что он никогда не отклонялся от задания. И не уклонялся. Наблюдать за людьми Фомину даже нравилось.

Потом, став, как и многие его коллеги, частным детективом, Фомин умудрился стать очень частным детективом. Хотя детективное агентство юридически было совершенно независимым, но на практике оно выполняло заказы только одного человека. Заказов было не много, но оплата поступала даже тогда, когда непосредственной работы не было. Работать на кого-либо другого Владимир Родионыч запрещал. Но платил хорошо. И что больше всего нравилось в работодателе, ставя Фомина на след, он выдавал максимально полную информацию о клиенте. О подготовке, о привычках, о профессии... И так далее.

О нынешнем клиенте информация была не просто полной. Она была исчерпывающей. И поначалу – настораживающей.

Водить нужно было не просто человека бывалого. Ходить нужно было за опером с многолетним стажем и таким послужным списком, что будь у Фомина выбор, он бы поостерегся брать подобный заказ. Но выбора не было, да и напряжение прошло довольно быстро.

Бывший опер совершенно конкретно спивался, и было совершенно непонятно, как он умудряется еще оставаться на службе и даже посещать иногда областное управление милиции.

На лице бывшего опера постоянно имела место щетина, кожанка была постоянно выпачкана то ли мелом, то ли известкой, а черная вязаная шапочка видала свои лучшие времена несколько лет назад.

К своей работе Фомин старался относиться без эмоций, но к этому клиенту испытывал чувство жалости. Месяца три назад что-то случилось, и бывший капитан-оперативник вдруг стал подполковником и начальником какого-то загадочного оперативно-контрольного отдела. Даже до Фомина дошли слухи о том, что приказ об этом исходил чуть ли не от самого министра внутренних дел, а начальник штаба областного управления, в подчинении которого номинально находился новоиспеченный отдел, очень слабо представлял себе его функции.

И, как часто бывает, сделал для себя вывод Фомин, быстрый взлет бывший капитан пережил плохо. И будущего у него явно не было.

Фомин помотал головой и посмотрел на стоящую неподвижно возле фонарного столба фигуру клиента. Правильно, подумал Фомин, два бокала пива к стакану коньяку на таком морозе не минуемо заставят наплевать на принципы морали и нравственности. Улица, к счастью, пустынная, слабо освещенная, и можно было отправлять свои естественные надобности не торопясь. Если не бояться мороза.

Но клиент был уже в том состоянии, когда уходит страх не только перед обморожением, но и вообще перед чем бы то ни было.

Наконец фигура качнулась, обогнула столб и двинулась к темному провалу арки в пустующем по случаю предстоящего сноса, доме. Это было не хорошо, так как двор имел минимум два выхода на другие улицы. Кроме этого, клиент мог просто заблудиться в руинах. Заблудиться и замерзнуть.

Или случайно уйти из-под наблюдения.

Фомин достал трубку мобильного телефона.

– Да? – сразу же ответил Кирилл.

– Клиента понесла нелегкая в проходной двор, – сказал Фомин.

– В пятом доме?

– Да.

– Я подъеду к Садовой, а Гриша – к выходу на бульвар, – сказал Кирилл.

– Лады, – согласился Фомин. – Я пойду за ним следом. Если что – включу маячок.

– А на всякий случай, – предложил осторожный как всегда Кирилл, – я подтяну ко двору машину прикрытия.

Фомин посмотрел вслед уходящему клиенту. Того как раз здорово качнуло и бросило к стене. Но на ногах он удержался.

Подстраховка выглядела нелепо, но были правила, от которых Фомин и его люди не отступали.

– Подгоняй, – согласился Фомин и спрятал телефон в карман.

Клиент медленно двигался к арке.

Фомин тяжело вздохнул и потер руки, не снимая перчаток. Замерз. И обидно, что придется ходить за этим алкоголиком еще непонятно сколько. Во всяком случае, Владимир Родионыч, получая очередной рапорт, ни о какой отмене заказа не говорил.

Наконец клиент скрылся в арке.

Фомин усмехнулся. Новички в сложном искусстве наружного наблюдения бросились бы следом, чтобы не потерять клиента. И свободно могли напороться на него. И вовсе не обязательно, чтобы клиент стремился выяснить, следят за ним или нет. Клиент мог совершенно искренне ошибиться адресом, или укрыться в подъезде только для того, чтобы застегнуть без свидетелей ширинку.

Выждав еще с минуту, Фомин, не торопясь, подошел к арке, заглянул в нее и никого не обнаружил. Клиент прошел глубь двора.

Снег продолжал похрустывать, мешая слушать. Фомин замер. Клиент продолжал идти, скрипя снегом и бормоча себе что-то под нос.

Фомин пошел следом.

Пересек пустынный, засыпанный снегом двор, свернул за угол.

В лицо уперся луч света.

Это было так неожиданно, что Фомин дернулся, шагнул назад, зацепился ногой за сугроб и сел.

– Привет, – сказал голос из-за фонаря, и Фомин понял, что голос этот принадлежит клиенту.

Только вот был он спокойный и совершенно трезвый.

– Уберите фонарь, – потребовал Фомин, демонстрируя всем своим видом, что он, как и любой другой на его месте, испуган и возмущен такой нелепой и неуместной шуткой.

Фомин попытался встать.

– Сидеть, – коротко приказал клиент.

Можно было, конечно, наплевать на это требование, но из темноты за фонарем выдвинулась рука, в которой был пистолет.

– Со зрением все нормально? – спросил клиент.

Фомин кивнул, изображая растерянность и лихорадочно соображая, что теперь делать и как выходить из этой дурацкой ситуации. Похоже, алкоголик вдруг заметил слезку, и сработали остатки рефлексов.

– Вам нужны деньги? – неуверенным голосом спросил Фомин.

В конце концов, с точки зрения случайного прохожего, все это могло походить на банальное ограбление.

– Деньги нужны всем, – сказал клиент.

– Так возьмите, – Фомин медленно поднял руку ко внутреннему карману куртки.

– По-моему, у нас недоразумение, – сказал клиент, и фонарь немного переместился в сторону.

И приблизился на пару шагов. Фомин услышал, как злорадно хрустнул снег.

Сейчас рядовой обыватель должен уже начинать впадать в истерику, решил Фомин и, дернув щекой и не забыв дрогнуть голосом, выпалил:

– Что вам от меня нужно? Я этого так не оставлю... Вы знаете, что я...

Фразы были нарочито нелепы и в подобной ситуации совершенно бесполезными или даже вредными. И строились эти фразы в расчете на то, что нападавший поверит, что за ним шли случайно. В конце концов, Фомин точно знал, что перед ним не урка какой-нибудь, а сотрудник милиции. Пусть даже спивающийся.

– Похоже, – сказал спивающийся сотрудник милиции. – И даже истерика звучит. Я бы поставил за артистизм пять-шесть. А вот за технику исполнения – около трех.

– Я...

– Ты, – подтвердил клиент. – Тебя зовут Олег Батькович Фомин, и знаешь, что это значит? Хреново, подумал Фомин.

– И что это значит?

– А это значит, что ты сейчас очень медленно расстегнешь куртку, потом медленно ее распахнешь и осторожно, как стеклянный, достанешь свой пистолет. Двумя пальцами за рукоять. Если на каком-либо из этих простеньких этапов ты заспешишь, или, не дай Бог, дернешься, я тебя застрелю.

У Фомина мелькнула мысль поспорить, выигрывая время, или все-таки попытаться схватиться за оружие, но...

– Я бы на твоём месте не рисковал, – сказал клиент. – Тут понимаешь, какая фигня получается, ты в перчатках, да еще с мороза. А пистолет, как я полагаю, носишь на предохранителе. И без патрона в стволе. Ведь без патрона?

Фомин промолчал.

– Вот видишь, – фонарь чуть качнулся, словно державший его сочувственно пожал плечами. – Прикинь, сколько времени уйдет на то, чтобы его достать, снять с предохранителя, передернуть затвор... Я ведь и застрелить смогу. Запросто.

Фомин почувствовал, как пересохли губы.

– А ты губы на морозе не облизывай, – посоветовал клиент, – обветрятся и потрескаются на фиг. Ты давай, куртку расстегивай и ствол доставай.

Фомин сидел в снегу неподвижно.

– Товарищ не понимает, – констатировал клиент. – И это печально. Тогда – по пунктам. Грохнул пистолет.

Пуля сорвала с головы Фомина шапку. Голове разом стало холодно, хотя лицо бросило в жар.

– Это я тебе демонстрирую виртуозную стрельбу. Теперь я тебе объясняю всю безысходность твоего положения. Я – сотрудник милиции... Только не нужно сейчас демонстрировать радость и рассказывать мне о случайности. Я сотрудник милиции и ношу с собой табельное оружие. Так?

Фомин пожал плечами.

– Так. И еще я имею право его применять. Согласен? Согласен. И мы оба знаем, что ты носишь в «босоножке» под курткой пистолет. И что этот пистолет не зарегистрирован. Так что, статья уже есть. Но и это не все.

Фонарь еще приблизился.

– Предположим, что я шел по важным ментовским делам, а на меня кто-то напал и выстрелил в меня из пистолета. Я применил оружие в ответ и, как полагается славному орлу-оперу, поразил супостата прямо в лоб. Со второй пули, потому что первой я только сбил ему шапку. Ты же работал в органах, Фомин, ты можешь оценить простоту и изысканность ситуации. Оценивай давай, а то простатит насидишь.

Свет фонаря резал глаза и доставал, как показалось Фомину, через глаза до самого затылка. И картинка, нарисованная клиентом, была очень логичной и завершенной. И совершенно безысходной. Или почти безысходной.

Фомин медленно расстегнул змейку на куртке, отодвинул полу в сторону. Нашупал пистолет.

– Аккуратно, – напомнил клиент.

Фомин взял пистолет двумя пальцами.

– Бросай его мне, – подсказал клиент. – Под ноги.

Пистолет негромко стукнулся о землю, покрытую снегом.

– Вот теперь продолжаем разговор, – довольным тоном произнес клиент. – Как меня зовут?

– Я не знаю, – пробормотал Фомин.

– Ответ неверный.

Пистолет снова грохнул, и снег взметнулся возле правой ноги Фомина.

– Это значит, что я, прежде чем стрелять на поражение, попытался попасть нападавшему по ногам, но не получилось, – сказал клиент. – Извини, но больше промахов не будет, а то мне будет стыдно смотреть в суровые лица коллег с такими результатами по стрельбе.

– Вас зовут Юрий Иванович Гринчук, вам еще нет тридцати семи лет, вы начальник оперативно-контрольного отдела в звании подполковника. Звание это получили три месяца назад. Имеете прозвище. И свои, и уголовники вас иногда называют Зеленым. И сами вы иногда этой кличкой пользуетесь. Не женаты. Поддерживаете близкие отношения с владелицей ночного клуба «Кентавр» ... Можно я встану? Снег подо мной тает, холодно и мокро.

– Потерпишь, – сказал Гринчук.

Фомин сплюнул.

– Сам все накопал, или сказал кто? – поинтересовался Гринчук.

– Да какая разница.

Фомин начал волноваться и даже оглянулся через плечо. Группа прикрытия катастрофически опаздывала. Доставая оружие, Фомин нажал на кнопку тревожного маячка, и ребята, по всему, уже должны были прибыть на место. Тем более что грохот выстрела должен был долететь и до проходного двора.

– Я, собственно, о чем, – сказал подполковник Гринчук, подойдя почти к самому Фомину. – Я, собственно, о том, что за мной следить не нужно. И даже просто нельзя. Это опасно. Я не стану спрашивать тебя о заказчике, но передай ему, старому хрену... Постарайся дословно. Так вот, передай ему, старому хрену, что если он еще раз попытается выкинуть такой фокус, то неприятности будут не только у исполнителей, но и у него лично. Я человек простой, и друзья у меня люди спокойные, но свою личную жизнь мы будем защищать всеми имеющимися у нас средствами. И очень болезненными. Все запомнил?

– Все.

Куда подевались Андрей и Николай, блин, зло подумал Фомин. Или?

– Да, кстати, – словно что-то вспомнил Гринчук. – Отдай мне свою мобилу, документы, деньги...

– Да я...

Пистолет приблизился к лицу Фомина, и запах сгоревшего пороха стал совершенно явственным.

– Пожалуйста, – сказал Гринчук.

Фомин вынул бумажник, ключи, телефон. Гринчук ловко подхватил все это рукой с пистолетом.

– Пока, – сказал подполковник. – Приятно было познакомиться. Если у тебя еще появится лишняя воляна, мобила или бабки – заходи, милости просим. Только не стоит это того. Медицина сейчас стоит просто безумных денег. Не окупится.

Фонарь погас. Заскрипел снег.

Перед глазами Фомина плавали разноцветные пятна.

Фомин взял пригоршню снега, приложил к лицу. Встал.

Хреново. Как хреново. Брюки были мокрыми, будто он обмочился от страха, да и страшно было на самом деле. Давно Фомину не доводилось испытывать такую ярость, смешанную с абсолютным бессилием. Давно его не унижали так явно и так бесстыдно.

Фомин посмотрел в ту сторону, куда ушел Гринчук. К бульвару. Там его должен поджидать Гриша. Телефона нет. Уже нет, поправил себя Фомин. Бежать вдогонку за Гринчуком – значило нарваться на неприятность.

Фомин побежал назад, через проходной двор к арке. В машине прикрытия есть телефон, нужно предупредить Гришу и Кирилла... В арке Фомин замер.

Возле стены, плечом к плечу сидели Андрей и Николай, группа прикрытия в полном составе. Фомин наклонился к ним. Дышат. Куртки расстегнуты, карманы вывернуты. Ни оружия, ни денег, ни телефонов.

Фомин выругался и, подхватив под мышки Андрея, сидевшего ближе к улице, потащил его к машине. Голова у Андрея болталась, из уголка рта протянулась ниточка слюны.

Как это он умудрился? Как этот чертов Гринчук...

Машина, специально оборудованная «БМВ», тоже пострадала. Лобовое стекло было выбито. Как, впрочем, и заднее. На капоте лежат вырванный руль, а ключ зажигания, как скоро выяснил Фомин, был заботливо сломан в замке.

Фомин выматерился, и продолжал отводить душу матом до тех пор, пока его группа прикрытия не стала приходить в себя. Это произошло минут через тридцать.

– Через пол часа, – рассказывая на следующий день всю эту историю Полковнику, Владимир Родионыч даже встал с кресла, что свидетельство о раздражении, сравнимому с яростью. – Через пол часа мой человек смог привести в чувство двух своих помощников и лишь для того, чтобы обнаружить двух других на Садовой и на бульваре в столь же плачевном состоянии и в столь же пострадавших машинах. Причем, если на бульваре наш человек...

– Ваш человек, – поправил Полковник.

– Что?

– Я говорю – Ваш человек.

– Да, мой человек. Вот мой человек сообщил о том, что к нему подошел один такой крупный парень, уголовного типа...

– Браток, – сказал Полковник.

– Что?

– Иван Бортнев, в просторечии – Браток. Ныне прапорщик, подчиненный подполковника Гринчука. В прошлом – работал на Гирию.

– Я это превосходно помню, – голос Владимира Родионыча чуть не сорвался на крик, но все-таки удержался в диапазоне чуть повышенного. – А на Садовой машину громила целая группа каких-то цыган...

– А вот это уже работа Михаила, – подсказал Полковник. – С цыганами – он близко дружен. И, кстати, я полагаю, что обоих из группы прикрытия вырубал, извините за выражение, тоже он. И что, вы говорите, Гринчук попросил передать заказчику?

Владимир Родионыч замер, желваки на его лице вздулись и опали. Одернув манжеты белой рубашки и поправив галстук, Владимир Родионыч сел в свое кресло за письменным столом.

– Вам кажется это смешным? – желчным голосом осведомился Владимир Родионыч.

– Нет, что вы.

Полковник взял со стола нож для бумаги и поднес его к глазам, будто что-то в этом предмете ужасно его заинтересовало.

– Я просто хочу понять, почему это вас так задело?

– Старым хреном, извините, меня не называли... Никогда меня так не называли, – взорвался, наконец, Владимир Родионыч. – И ваш этот сопляк...

– Наш сопляк, – поправил Полковник очень тихим и ровным голосом. – И я не стал бы называть подполковника Гринчука сопляком.

– А меня старым хреном вы называть бы стали?

– Нет, – Полковник вздохнул и отложил нож в сторону. – Вас я старым хреном называть не стал бы ни в коем случае. Но почему вы решили, что подполковник Гринчук имел ввиду именно Вас? Если никто и никогда Вас так не именовал. Он, может, и не знал, кто послал Фомина.

– Знал он все, – Владимир Родионыч немного успокоился. – Знал и Фомина, и о том, кто его нанял. И сделал все это специально, чтобы уязвить меня.

– Что вы говорите! – всплеснул руками Полковник. – А ведь мне он казался таким уравновешенным, методичным и спокойным. И, это, не склонным к нарушению субординации.

Полковник снова потянулся к ножу на столе.

– Да оставьте вы в покое этот нож, – вспыхнул Владимир Родионыч, схватил нож и швырнул его в сторону.

Нож завибрировал, воткнувшись в спинку кресла возле стены. Оба, и Полковник и Владимир Родионыч замолчали, немного ошарашено глядя на него.

– М-да, – сказал Полковник, – бывает. Но с другой стороны, вы ведь обещали и давали гарантии, что в работу Гринчука и его людей никто лезть не будет. Вы, помнится, говорили ему при личной встрече, что он будет подотчетен только Совету. А мне вы говорили, что наш мент для новых русских будет работать независимо от всех и выполнять свою работу по предотвращению и раскрытию преступлений именно в нашей с вами среде. Среди, извините за некоторую тавтологию, новых русских, как вы их изволили называть, дворян.

– Изволил. И говорил. Но...

– У Гринчука просто не было еще возможности проявить себя...

– Зато было более чем достаточно возможностей проявить себя в других областях. Беспробудное пьянство – вы читали отчеты Фомина – разгульный образ жизни, два пьяных дебоша в прошлом месяце. И его подчиненные отстают не слишком далеко. Этот ваш Браток... – Владимир Родионыч сделал паузу и посмотрел на Полковника, тот промолчал. – Ваш Браток принял участие в одном из дебошей своего шефа и дважды вступал в драку с охранниками наших новых русских дворян.

– И как результаты?

– Один-один. А что?

– Нет, ничего, продолжайте. А Михаил...

– Вот к Михаилу претензий почти нет, – Владимир Родионыч. – Никого не убил и не искалечил. Даже странно думать, что этот милый и улыбчивый парень психически нестабильный убийца. Причем, закодированный и отбракованный армией. За эти три месяца, как мне кажется, вся женская служба пребывала в его постели. И я очень удивлюсь, что дело ограничилось только обслуживающим персоналом.

– Были скандалы?

– Нет, и это странно. Это очень странно. Такое чувство, что дамы безумно счастливы получать от него знаки внимания, при этом совершенно не ревнуют его.

– Этому можно только позавидовать, – улыбнулся Полковник.

– Это можно прекратить в два дня, – резко бросил Владимир Родионыч. – Это уже даже не интересно. Все наши друзья уже даже перестали интересоваться деятельностью оперативно-контрольного отдела. Название, кстати, придумал ваш Гринчук.

– Какой я должен сделать вывод из всего сказанного? – спросил Полковник уже официальным тоном, вставая с кресла.

– Из всего сказанного вы должны сделать следующий вывод. Нам не нужны алкоголики и бездельники. И дело не в том, что я не желаю платить деньги впустую. Дело в том, что я, как и другие члены Совета, не желаю компрометировать нас всех, и вашу идею о необходимости должности Мента для новых русских. Посему... Какое сейчас число?

– Тридцатое декабря, – Полковник посмотрел на елочку, стоящую на письменном столе. – Завтра – Новый год. Все будут дарить друг другу подарки и прощать мелкие грешки.

– Я даю вашему алкоголику неделю...

– До Рождества, – сказал Полковник.

– До Рождества. Я даю неделю, чтобы он предоставил мне отчет о проделанной работе. И если этот отчет меня не устроит... Или если его еще раз увидят пьяным... Он и его люди останутся без работы. И без погон, – Владимир Родионыч удовлетворенно откинулся в кресле и скрестил руки на груди.

– И, как я подозреваю, – вопросительным тоном произнес Полковник, – оставаться трезвым на праздники алкоголику невозможно, а отчет, в котором не будет ничего, вас, естественно, не устроит.

– Ну... – неопределенно пожал плечами Владимир Родионыч.

– Гринчук после Рождества останется без работы, Браток вернется в бригаду, а Михаил... Что прикажете делать с Михаилом? Ведь вы же прекрасно знаете, что любой срыв может привести его в боевой режим, а единственный, кто знает код выведения из него – это Гринчук.

– А это уже ваше дело. Это вы передали код Гринчуку. Так что устранение Михаила – тоже ваша забота. И это обсуждению не подлежит, – Владимир Родионыч даже хлопнул ладонью по столу, словно ставя точку.

– Я могу идти? – спросил Полковник.

– Я вас не задерживаю, – ответил Владимир Родионыч.

– До свидания.

Полковник повернулся к двери, подошел к ней и взялся за дверную ручку.

– Вы что-то сказали? – спросил Владимир Родионыч.

– Я? – удивленно обернулся Полковник. – Нет.

И вышел.

Хозяин кабинета смотрел на дверь некоторое время молча. Странно. Полковник всегда такой выдержанный, спокойный. Корректный. Он действительно не мог такого сказать. Тем более, вслух и в присутствии Владимира Родионыча. Если бы не все это, Владимир Родионыч мог поклясться, что уравновешенный и корректный Полковник, подойдя к двери, произнес...

Владимир Родионыч взял со стола кожаную папку. Открыл. И через секунду бросил на стол.

Но ведь он явственно слышал. Хрен старый.

Хрен старый, повторил Полковник, спускаясь в лифте. Старый пересохший хрен. Ясно, что решение принято однозначно. И понятно, что от решения судьбы Михаила не уйти. И понятно, также, что вина в возможной гибели Михаила есть и его, Полковника. И ведь хотелось все сделать как лучше.

И все складывалось нормально.

Полковник кивнул охраннику на выходе и вышел на крыльцо. Водитель заметил его и подогнал машину к ступенькам.

Как он мог ошибиться в Гринчуке? Как твердый, неподкупный и гордый капитан превратился всего за три месяца в спивающегося и опустившегося человека? Как?

Полковник сел на заднее сидение.

С другой стороны, Зеленый был человеком действия, человеком, живущим работой. И работа эта, постоянная борьба не столько с преступностью, сколько с идиотизмом начальства,

была для него вместо наркотика. Отобрали наркотик, и Юрий Иванович решил заменить ее выпивкой. И заменил. И, считай, погубил себя окончательно.

И убил Михаила.

Полковник покачал головой. Бедняга Михаил. Вначале его втолкнули в армейскую программу психокодирования и стали готовить на суперубийцу. Потом, убедившись, что даже под внушением он не способен смириться с необходимостью убивать, его списали, дали новую личность и новую биографию.

А потом Полковник попытался использовать его для программы Мент для новых русских. Ментом должен был стать Гринчук, а Михаил, со своими способностями, должен был обеспечивать силовую сторону деятельности.

И вот – провал.

Черт. Полковник заметил, что машина все еще стоит перед крыльцом, а водитель терпеливо ждет, поглядывая в зеркало заднего вида.

– Поехали к большому дому.

Машина тронулась.

Полковник глянул на часы. Десять часов пятнадцать минут. По расписанию Гринчука – время приближается к завтраку. К первому стакану коньяка в баре неподалеку большого дома.

– Остановишься возле бара, – сказал Полковник.

Водитель если и удивился, то виду не подал. Он уже давно привык, что Полковник имеет привычку забираться в самые странные и неподходящие для людей приличных, места.

С Гринчуком в любом случае нужно было поговорить. И подготовить его к тому, что... Нет, к решению проблемы с Михаилом Зеленого лучше не привлекать. За эти три месяца они, похоже, успели сдружиться.

Гринчук, Гринчук, что же ты наделал! Если бы хоть не твоя последняя выходка. Назвать самого Владимира Родионича... Нет, он, конечно, старый. И, возможно, хрен. Но выслушивать подобные заявления от кого бы то ни было Владимир Родионич не станет. Так что вчера, расправившись с наблюдением и оскорбив уважаемого человека, Гринчук...

Машина остановилась. Бар.

Водитель вышел из машины, открыл дверцу, затем, закрыл ее за Полковником и, нажав на кнопку замка, двинулся в бар. Полковник тяжело вздохнул, пропуская водителя. Меры безопасности еще никто не отменял.

Бар был маленький, с пошарпаной стойкой и четырьмя столиками. Сонный бармен привычно перетирал стаканы, тихо играла музыка. Водитель прошел к первому столику и сел так, чтобы видеть одновременно и входную дверь и все помещение. Хотя наблюдать было не за кем.

За столиками никого не было, только на одном из трех табуретов перед стойкой сидел подполковник милиции Гринчук. На стойке перед ним стоял высокий стакан с прозрачной коричневой жидкостью. И маленькая тарелка с двумя кружками лимона.

На вошедшего Гринчук не посмотрел. Словно на что-то решившись, он разом опрокинул в себя стакан. Поморщился, взял с тарелки лимон и съел его, с видимым отвращением.

– Здравствуйте, Юрий Иванович, – сказал Полковник.

– Гутен морген, гер оберст, – ответил, не поворачивая головы, Гринчук. – Коньячку?

Бармен поставил на стойку маленькую рюмку. Уже с коньяком.

– Не с утра, – ответил Полковник.

– Напра-асно, – протянул Гринчук, взял рюмку и опрокинул в рот. – У Саши для своих есть оч-чень неплохой коньячок-с. Очень.

– Так я тут не свой, – сказал Полковник.

– Напрасно.

Гринчук повернулся на табурете лицом к Полковнику.

Н-да, подумал Полковник. Щетина, отросшие волосы и погасший взгляд. Три месяца назад это был совсем другой человек. Человек, способный противостоять сильным мира сего.

– Послушайте, Полковник, – Гринчук наклонился к Полковнику, и на того пахло запахом лимона и коньяка. – Мне кажется, что вы чем-то опечалены. Нет?

– Да, – сказал Полковник.

– А хотите, я угадаю, чем именно? – спросил Гринчук.

– Угадали, – Полковник потер переносицу.

– И что сказал старый хрен?

– Знаете, Юрий Иванович, это, в конце концов, просто не прилично, такое говорить о пожилом и уважаемом...

– Старом хрене, – закончил Гринчук.

– Владимир Родионыч был в ярости.

– Я тоже был вчера в ярости, – серьезно сказал Гринчук. – Если бы там был Владимир Родионыч, то я с удовольствием посадил бы его рядом с ребятами в сугроб. Мне ведь...

Гринчук вовремя сообразил, что переходит на крик, и понизил голос.

– Мне ведь было обещано, что никто не будет лезть в мои дела. И что? Лезут. Подсылают хвост, причем, вооруженный. Его, кстати, счастье, что я не сдал его в ментуру.

– Конечно, он ужасно счастлив, оставшись без машин, связи и денег. Вы, между прочим, сейчас являетесь обладателем нескольких не зарегистрированных единиц оружия. Тем самым вы нарушили закон, и я...

– Откуда такая информация, полковник? – Гринчук улыбнулся и развел руками. – Или вы имели контакты с теми, у кого я оружие изъял? Да и нет у меня ничего. Можете обыскать.

Гринчук поднял руки.

– Прекратите паясничать, – потребовал Полковник. – Ситуация слишком серьезная, чтобы просто вот так зубоскалить. Вы понимаете, что вы можете потерять работу? Что вы уже практически ее потеряли.

– И хрен с ней, – засмеялся Гринчук. – Найду себе другую. Вон, в охранники пойду.

– В охранники пропойц не берут.

– Не берут, – подумав, согласился Гринчук. – Вон, к Гире наймусь, вышибалой. Он, говорят, завтра выходит из дурки. Или к своей Нинке в клуб пойду.

Ему явно было наплевать на печальную перспективу. И он, Полковник был готов в этом поклестся, даже доволен такой перспективой.

– Юра, у вас был шанс. У вас и у Михаила. И вы сделали все, чтобы этот шанс просрать. Извините за выражение. Вам дали шанс...

– Мне дали шанс? – переспросил Гринчук. – Мне никто шанса не дал. Вы сказали, что я должен защищать всех этих крутых засранцев от самих себя и друг от друга, что я должен быть чуть ли не участковым среди них, следить за трудными и вмешиваться, если появиться такая необходимость. Так?

– Так, – кивнул Полковник, которому очень не понравилась улыбка Гринчука.

Недобрая какая-то, волчья.

– Не так, – Гринчук неожиданно скрутил фигу и сунул ее под нос Полковника. – Вот что вы мне дали.

Водитель вскочил со своего места, но Полковник жестом остановил его.

– Вы получили квартиры, транспорт, деньги, полномочия. Даже в областном управлении на вас смотрят с опаской, ожидая неприятности от шустрого капитана, проскочившего в начальство не без высочайшей протекции. Вы скажете, этого недостаточно? – спросил Полковник.

– Для того, чтобы тусоваться? Чтобы иметь время на коньяк и баб? Вполне. А для работы... – Гринчук поманил Полковника пальцем и наклонился к нему. – А как я должен

работать? Вы или Родионыч – кто-нибудь меня представил? Как я, по-вашему, должен вламываться в хаты ваших дворян? Морды бить охране? Надевать на крутых ваших пацанов браслеты? Браток вон дважды сделал замечания. Один раз сопляку семнадцати лет за то, что тот ударил официантку. Не успел опомниться, как его уже избили охранники и выбросили на улицу. Думаете, они обратили внимание на то, что у него была корочка?

– Я слышал, он восстановил равновесие?

– С охранниками? Да. А пацан тот ходит спокойно и плюет на Братка. С охранниками, кстати, Браток уже помирился. Но замечания вашим золотым мальчикам делать больше не хочет.

Полковник кивнул. Это да. Это они не подумали. Для них все было просто и понятно. А ведь действительно, Зеленый никакого статуса не получил. И это значило, что вес его слова в обществе был равен нулю.

– Извините, – сказал Полковник.

– На хрен мне ваше извинение, господин Полковник. Как я могу делать в таких условиях хоть что-нибудь? Я ведь никого не знаю. И никто не знает меня. А уж, тем более, Братка и Мишу. Так что попрете меня – не заплачу.

– А Михаила?

– А что Михаила?

– Вы подумали о том, что его никто просто так не отпустит, что единственный человек, кто его должен был контролировать, спился до потери человеческого облика, – Полковник замолчал, заметив любопытный взгляд бармена.

Гринчук тоже его заметил, поэтому обернулся к бармену и коротко мотнул головой в сторону. Бармен кивнул и ушел в подсобку.

– Так что Михаил?

– Если вас просто вышвырнут, то Михаила просто уничтожат.

– Чего? – Гринчук встал с табурета, и Полковник краем глаза заметил, что из-за стола снова поднялся водитель.

– Что слышали. Я ведь вам еще тогда сказал, что вы решаете, жить ему или нет. Тогда вы решили, что жить. Сейчас сделали, что нет.

– Мишку я вам не отдам, – немного спокойнее сказал Гринчук.

И в голосе его было столько уверенности, что Полковник поверил – да, за Михаила Гринчук будет драться. И это шанс. Шанс для них обоих.

– И вы готовы на многое? – спросил Полковник.

– Да.

– И даже бросите пить?

Гринчук замялся, посмотрел на пустой стакан:

– И бросить пить.

– Я вам верю, – сказал Полковник.

– Вот спасибо, – улыбка Зеленого стала ироничной до сарказма. – Что бы я без этого делал?

Полковник откашлялся.

– Я согласен с тем, что виноват в некотором роде в том, что вы оказались в таком неприятном положении... И я согласен с тем, что вы действительно не могли решать поставленные перед вами задачи. И я готов принять меры для того, чтобы... Понимаете, Владимир Родионыч поставил условие – до Рождества вы не должны пить, и в те же сроки должны представить отчет о проделанной за три месяца работе. Честно говоря, ваша последняя выходка сделала эти условия невыполнимыми, но...

Гринчук молчал, с иронией рассматривая собеседника.

– Я попытаюсь его отговорить, а вы со своей стороны постарайтесь, ну... – Полковник развел руками, – прийти на какое-нибудь мероприятие, где будет все общество. Вот, на новогодний бал, хотя бы. Там, возможно, мы вас и представим. В любом случае вы сможете произвести на Владимира Родионыча благоприятное впечатление более... э-э... ухоженным видом и трезвым поведением.

Гринчук потер небритый подбородок, поморщился.

– И вы думаете, что меня пустят на этот бал?

– Я поговорю с Владимиром Родионычем. Прямо сейчас, по телефону. Но вы должны будете извиниться...

– За старого хрена?

– Именно за старого хрена, – Полковник достал из кармана мобильник. – Да или нет?

Гринчук вздохнул:

– Да.

Полковник быстро набрал номер:

– Владимир Родионыч? Это Полковник. Я сейчас беседовал с Гринчуком...

Гринчук хмыкнул.

Полковник строго посмотрел на него, и Гринчук замолчал.

– Он раскаивается в своей выходке. Да. Готов принести вам свои личные извинения. Я понимаю, что этого недостаточно, но он убедил меня в том, что и мы с вами виноваты в его пассивности... Нет, я не сошел с ума. Мы действительно не определили его статус в обществе...

Пока Полковник излагал собеседнику свое мнение о недоработках руководства, Гринчук вынул из кармана свой мобильник и быстро набрал на нем сообщение. Нажал кнопку и спрятал телефон в карман.

– Да. Я обещаю. Если он сорвется, то я лично подам в отставку. Да. И завтра я бы хотел, чтобы он имел возможность присутствовать... И на остальных мероприятиях тоже. Это его работа. Люди должны его знать. А он должен знать их... Трезвый. И побритый. Да, я понял, – Полковник взвесил на руке телефон и посмотрел в лицо Гринчука так, будто собирался бросить в него телефон. – Вы приглашены завтра на бал. И сможете, наверное, поговорить с Владимиром Родионычем.

– Премного вам признателен, – поклонился Гринчук.

– Я за вас отвечаю.

– Я слышал, – улыбнулся Зеленый.

– У меня с утра болит голова, – пожаловался Полковник.

Гринчук открыл было рот, но промолчал, отвернувшись.

– И это правильно, – одобрил Полковник. – Молчать и выполнять. И сейчас вы встанете, Юрий Иванович, и пойдете в мою машину. Я сделаю еще один звонок и вас догоню.

– Есть, – сказал Гринчук и вышел из бара.

Водитель вышел вслед за ним.

Вот такие дела, сказал Полковник. В результате всего происшедшего, он зачем-то взял на себя эту ответственность, поставил на карту свою дальнейшую судьбу, и только для того, чтобы спивающийся мент мог получить еще один шанс. Полковник начал набирать на мобильнике номер. Нужно было предупредить жену, что сегодня он приедет поздно. Полковник понимал, что разговор и инструктаж затянется надолго. Не смотря на то, что Гринчук опытный опер, что он сможет сориентироваться в любой обстановке быстро и освоиться в ней почти безболезненно. Вообще Гринчук никогда ничего не делал просто так, не обдуманно. Гринчук – это...

Полковник спрятал телефон в карман и встал с табурета. Из подсобки как раз появился бармен. Гринчук никогда ничего не делал без умысла. И это не тот человек, который допустит прокол. С такими качествами нужно родиться, и потерять их невозможно. Даже за три месяца беспробудного пьянства. Пьянства?

– Стоять, – приказал Полковник, не успев даже сообразить, что и для чего делает. Бармен замер, держа в руке стакан Гринчука.

– Дай сюда, – приказал Полковник.

– Что? – не понял бармен.

– Стакан дай сюда, – Полковник протянул руку за стаканом.

– А, стакан, – бармен кивнул, посмотрел на входную дверь, протянул стакан Полковнику, и когда тот уже к стакану прикоснулся, но еще не успел взять, разжал пальцы.

Щелк – стакан разлетелся на осколки, ударившись о край стойки.

– Неудачно как получилось, – покачал головой бармен.

– Вас, кажется, зовут Сашей? – спросил Полковник.

– Да.

– И вам нравится работать в этом баре?

– Это мой, – сказал бармен.

– И вы сейчас имеете все возможности этот бар потерять, – почти ласково произнес Полковник.

– А что я такого сделал? – плаксивым голосом протянул бармен.

– От стойки отойди, – приказал Полковник.

Бармен попятился, потом, когда Полковник решительно зашел за стойку, вообще вжался в угол. Полковник взял коньячную бутылку, открыл ее и понюхал. Попробовал на язык. Сплюнул. Взял вторую. На третьей замер, попробовал еще раз и засмеялся.

– Эту бутылку я возьму с собой, – сказал он бармену.

Тот только тяжело вздохнул.

– Хороший человек Юрий Иванович? – спросил Полковник.

– Сейчас таких не делают, – хмуро ответил бармен.

– Да и раньше таких делали штучно, – сказал Полковник и вышел из бара.

На улице шел снег. Легкие белые хлопья бесшумно опускались на город. Полковник подставил руку под снег. Поднес его к глазам. Оглянулся и решительно отряхнул руку.

Водитель открыл перед ним дверцу, и Полковник сел на заднее сидение, возле Гринчука.

– Леша, прогуляйся немного, – попросил Полковник, и водитель, так и не сев на свое место, захлопнул дверцу.

– Знаете, Юра, – задумчиво произнес Полковник.

– Нет, но если вы скажете, – перебил его Гринчук.

– Расскажу, – улыбнулся Полковник. – Давным-давно, еще в эпоху социализма, не ставшего развитым, работал инспектор ГАИ, который безжалостно бомбил на своем участке водителей. За любую мелочь. И народ всячески пытался всучить ему деньги, лишь бы он не делал запись или не пробивал дырку. Но гаишник денег не брал. Когда бедняга нарушитель уже совсем опускал руки, полагая, что ничего поделать нельзя, старшина вдруг добрел и предлагал разойтись полюбовно. Рядом была кафешка, вот туда гаишник вел нарушителя и предлагал угостить его стаканом коньяка. Тот платил бармену деньги, старшина пил стакан, закусывал конфетой и возвращался на свой пост.

– Ну? – сказал Гринчук, когда Полковник сделал паузу.

– А ничего. Просто никак не могли понять, как это он умудряется не упасть пьяным к концу службы, и не могли его обвинить во взяточничестве. Выпивка взяткой не считается. Пока кто-то не сообразил поинтересоваться, что именно ему наливает бармен. И оказалось, что бармен наливает ему холодный чай. А деньги, которые набегали к концу дня за не выпитый коньяк, отдавал старшине.

– Интересная история, – сказал Гринчук.

– Очень, – подтвердил Полковник. – Но я так полагаю, что вы ее знали.

Полковник протянул Гринчуку бутылку, которую прятал под пальто.

– Сам придумал, – сказал Гринчук. – Как догадались?

– Вы слишком разумный человек. Я еще помню, как три месяца назад вы умудрились обмануть всех, даже очень осторожных и подозрительных людей. Кроме этого, вы слишком торопливо опростали ту рюмку коньяка, которую предлагали мне. Она выходит за вашу обычную норму, но вам было нужно, чтобы от вас пахло.

– Ага, – кивнул Гринчук.

– И все эти три месяца вы зачем-то дурили головы всем вокруг, изображали пропойцу. И если бы я сегодня вас случайно не застал в баре...

– Именно, – усмехнулся Гринчук, – сегодня. В баре. Среде шумного бара. Случайно.

– Вы бы так и продолжали... Стоп, – оборвал себя Полковник. – Что значит – случайно? Вы хотите сказать, что та рюмка была специально приготовлена для меня?

– Понимаете, Полковник, если бы внимательно почитали отчеты бедняги Фомина, то знали бы, что я обычно не задерживаюсь в баре. Принимаю свою дозу и ухожу.

– Вы откуда-то знали, что я...

– А куда бы вы делись? – спросил Гринчук. – После такого неприятного происшествия и после прямого оскорбления самого Владимира Родионыча.

– И ваша вчерашняя выходка была только для того, чтобы заставить меня с вами поговорить и... вы что хотели попасть на новогодний бал? – Полковник потрясенно смотрел на совершенно спокойного Гринчука. – Вы не могли найти более простого способа?

Гринчук широко улыбнулся:

– Понимаете, Полковник, теперь я не просто приглашен на бал, я еще приглашен лично Владимиром Родиным. И если что-то теперь на балу пойдет не так – виноваты не вы. Виноват только он сам.

– Но ведь это я уговорил...

– Не будет же он об этом в голос кричать, – Гринчук потер руки. – Знаете, чего я не люблю больше, чем когда меня переоценивают?

– Кажется, знаю, – сказал Полковник, – это когда вас не ценят вообще.

– Правильно. Ну, мне пора. Много работы, – Гринчук открыл дверцу.

Рядом остановилась другая машина. Полковник присмотрелся – за рулем сидел Браток. На заднем сидении – Михаил.

Гринчук помахал рукой, обошел машину и сел на переднее сидение. Машина уехала.

Все произошедшее было так неожиданно и так обидно, что у Полковника появилась мысль достать телефон и позвонить Владимиру Родионычу.

* * *

– А если он позвонит этому, Родионычу? – спросил Браток.

– И что скажет? – вопросом на вопрос ответил Гринчук. – Что мы его кинули? И что САМОГО Родионыча тоже кинули? Теперь Полковник будет помалкивать.

– А нельзя было с ним просто договориться? Просто предупредить, – спросил Михаил. – Нормальный ведь мужик.

– Полковник? Нормальный мужик, только актер из него – никакой. Мы бы потеряли всю достоверность чувств и эмоций. К тому же, не думаю, что он разрешил бы то, что мы планируем на завтра.

– Я бы тоже не разрешил, – сказал Браток, – если бы власть имел.

– В том-то и дело, товарищ прапорщик. У кого больше звезд, тот и умнее, – засмеялся Гринчук.

– Так он, между прочим, полковник, – напомнил Михаил.

– В отставке, а это не считается, – Гринчук снова засмеялся.

Браток покачал головой.

– Там возле ателье стоянка разрешена? – спросил он.

– Товарищ прапорщик, вы все никак не привыкнете к тому, что вы прапорщик, – сказал Зеленый. – Мы можем останавливаться где попало и когда попало.

– Веселый вы сегодня, Юрий Иванович, – желчно сказал Браток. – Вот так на Новый год насмеемся, что к Рождеству плакать начнем.

– Ничего, – посерьезнев, сказал подполковник милиции Юрий Иванович Гринчук, – завтра все у нас получится.

А Полковник сидел на заднем сидении своего «мерседеса» и пытался себе представить, что именно произойдет завтра на балу. Он понимал, что Гринчук ничего не делает не обдумав. И вот это пугало особенно сильно.

Глава 2

Тридцать первое декабря – самый странный день в году. С одной стороны – вроде бы уже праздник, но люди продолжают работать, лихорадочно стараясь закончить хотя бы самые насущные дела. Встав в этот день рано люди к ночи не только не укладываются спать, а даже собираются в гости или гостей принимают. Накрывая стол, точно знают, что есть ночью все равно практически никто и ничего не будет, но накрывают, залезая в долги и проклиная всю эту суету.

Люди регулярно называют этот праздник семейным, но отмечают его чаще всего в многолюдных компаниях, отчего-то ставят перед собой задачу не спать всю ночь, не смотря на слипающиеся глаза, а потом, первого января целый день спят, вместо того, чтобы веселиться. Странный день. Сумбурный и суматошный.

Гринчук с самого детства испытывал по его поводу противоречивые чувства. Он честно ждал праздника целый год, наделся на что-то необычное, предвкушая подарки и угощения, а потом праздник наступал, принося с собой только усталость и легкое разочарование. И надежду на то, что в следующем году все будет по-другому. Иногда Гринчуку даже казалось, что именно из-за этого дня жизнь у большинства людей не складывается. Или идет наперекосяк.

Каждый год люди начинают с усталости, усталыми этот год проводят только для того, чтобы устало встретить год новый. Усталость.

Год за годом Гринчук давал себе слово плюнуть на условности и просто лечь тридцать первого декабря в постель часов в девять, почитать на сон грядущий скучную книгу и спокойно уснуть, не обращая внимания на праздничные вопли соседей, взрывы петард за окном, гимны и выступления президентов. И год за годом Гринчук это слово нарушал. Один раз, лет пять назад, ему почти удалось осуществить свою мечту, но интеллектуальный пацан Вася Ефимов, с интеллектуальной погремухой Болт, ткнул прямо перед новогодней елкой ножом не менее интеллигентного хлопца Гришу Кафеля, и капитану Гринчуку пришлось всю новогоднюю ночь мотаться по значным местам, чтобы награда нашла героя.

А когда привез Болта в райотдел, пришлось писать кучу бумаг, борясь с совершенно новогодней усталостью.

Сегодня, в принципе, ничто не мешало Гринчуку лечь спать. Ничто. Кроме необходимости присутствовать на новогоднем балу самых крутых господ этого славного города. Успокаивало только одно – если все сложится как нужно, то будет изрядное количество людей, которым праздник понравится еще меньше, чем ему, подполковнику Гринчуку.

Гринчук встал с кровати, на которой сидел вот уже минут сорок, предаваясь печальным размышлениям и созерцанию новенького мундира. Своего новенького мундира, только вчера полученного в ателье. Нужно отдать должное, мастер постарался на славу, у Гринчука никогда раньше не было столь шикарного парадного мундира. Если быть до конца честным, что парадного мундира у него никогда не было, если не считать срочной службы в армии.

Гринчук подошел к висящему на стене мундиру и аккуратно стряхнул пылинку с погона. Странно, но обычно равнодушный к подобным вещам Гринчук, сейчас испытывал сильное желание... Вернее, два сильных, и, как обычно, противоположных желания. Ему одинаково хотелось поскорее надеть мундир и выбросить его в окно, прямо сейчас.

Странно, но практически такое же чувство испытывал в эту самую секунду еще один человек, совершенно не похожий на Гринчука. Человек этот стоял перед висящим на вешалке костюмом и размышлял, что будет лучше – надеть его и выйти на улицу, или выбросить к чертовой матери и остаться здесь. Здесь – это в научно-медицинском заведении, именуемом в просторечии дурдомом.

Человека звали Геннадий Федорович. Вернее, и Геннадий Федорович тоже. Еще его звали Гирей, и кличка эта точно передавала характер Геннадия Федоровича. Тяжелый был характер.

И мысли у Гири были тяжелые, малоповоротливые и опасные. Но если такая вот тяжелая мысль нарождалась в голове Геннадия Федоровича, то остановить ее было уже достаточно трудно. Мысль подталкивала к делам, а дела...

И за это тоже звали знающие люди Геннадия Федоровича Гирей. Лучше потом все восстановить заново, считал Гиря, чем искать обходные пути и ждать у моря погоды. Посему, когда чуть больше трех месяцев назад понадобилось заложить в украденную машину грамм сто взрывчатки, чтобы только припугнуть бывшего владельца клуба, Гиря решил, что динамита нужно больше. Гораздо больше.

И рвануло так, что погибло много народу, так рвануло, что, на воздух взлетело не только несколько десятков автомобилей на автостоянке, но и жизнь самого Гири взлетела на воздух.

Он уже должен был быть мертвым. Он уже несколько раз успел попрощаться с жизнью, но жизнь пока не спешила его покидать.

Погиб некто Андрей Петрович, контролировавший деятельность Гири от имени... Гиря и сам не знал толком, от чьего имени контролировал его Андрей Петрович. Гиря не знал, и не особо стремился узнать – иногда Гире удавалось предчувствовать грозящую опасность. Вот только тогда, с заминированной машиной он допустил ошибку. И, как потом понял, с поселком бомжей тоже. Бомжей прозывали Крысами, их поселок Норой, а располагалась Нора в овраге, как раз между клубом, купленным Гирей, и бывшей свалкой, на которой Гиря планировал разместить оптовый рынок.

Гиря так до конца и не понял, что именно произошло в Норе, кто именно взял на себя защиту никому не нужных Крыс. Он понял, что кто-то мог его, Гирию уничтожить, но почему-то не сделал этого.

И в дурдом Гиря попал после того, как обнаружил у себя в кабинете гранату. Не приготовленную к взрыву мину, и не тщательно поставленную популярную нынче растяжку, а «лимонку» с привязанной к чеке леской. И леска была просто обмотана вокруг корпуса гранаты.

Ужас, обида, жалость к самому себе в тот момент охватили Гирию с такой силой, что он рыдал и бился на полу до тех пор, пока ему не вкатили дозу успокоительного и не привезли сюда, в дурку.

Гиря поправил галстук на рубашке, висящей вместе с костюмом.

Выходить было нужно. Выходить было просто необходимо, так дела требовали его личного участия.

Закадычный конкурент Садреддин Гейдарович Мехтиев, хоть и не начинал войну за передел территорий, но давление его и его людей ощущалось постоянно. А подчиненные Геннадия Федоровича потихоньку расслаблялись и начинали поглядывать по сторонам. Некоторым из них – это доносили верные люди – было в падлу выполнять приказы пациента дурдома. И Гиря их понимал. Сам бы он никогда не стал гнаться перед чокнутым. И в другое время, даже месяца четыре назад, он не стал бы мешкать ни минуты с выходом из больницы.

Когда три года назад ему прострелили плечо и легкое, Гиря уже через неделю ходил сам, и лично принял участие в похоронах и стрелка, и заказчика.

И после этой гранаты в кабинете шок прошел достаточно быстро. Уже через пару дней Гиря успокоился и мог вспоминать обо всем происшедшем без ужаса и истерики. Еще через неделю врачи сказали, что нервы уже почти в порядке, насколько это вообще возможно с родом занятий Гири, через месяц эти же врачи констатировали значительное улучшение общего состояния пациента... Но Гиря все откладывал свой выход.

В отдельной палате клиники Гирия чувствовал себя в безопасности. Кто пойдет мочить сумасшедшего? В книге Фенимора Купера, еще в детстве, Гирия вычитал, что индейцы не трогали безумных. Еще тогда его поразила эта мысль, а после того, как ужас отпустил, и он мог спать спокойно по ночам, Гирия испытал чувство безопасности. Странное, забытое чувство.

Это чувство пьянило даже больше, чем выпивка и бабы. И чувство это давало возможность подумать не о том, что нужно выбивать бабки, забивать стрелки, контролировать бизнес. Чувство это позволяло просто подумать, без суеты и спешки, без необходимости принимать меры и срочно реагировать.

И все остальное вдруг стало казаться таким ненужным и далеким. Что из того, что Нинка, бывшая секретарша Гири, награжденная креслом директора небольшого ночного клуба «Кентавр», не берет на реализацию наркоту? Да, денег от этого становится меньше, но это там, за стенами спокойной и безопасной палаты. А здесь...

Гирия подошел к зарешетченному окну. Решетка, так раздражавшая вначале, теперь также рождала чувство покоя и безопасности.

На небольшом, огороженном белым кирпичным забором, дворе особого корпуса клиники стояло две машины. И машины эти приехали за ним, за Геннадием Федоровичем. И сам их вид раздражал Гирию. И фигуры охранников, маячащие возле машин, раздражали, и то, как они курят, как переговариваются друг с другом, жестикулируя и топорща пальцы.

Гирия оглянулся и с ненавистью посмотрел на костюм. Бросить все и уехать. Только...

Кому-то из ближайшего окружения может показаться удобным случаем для прихода к власти слишком уж долгое отсутствие шефа. И тогда даже палата не поможет. Не защитит.

И кроме этого, слишком уж настойчиво напоминал Гире Виктор Евгеньевич о необходимости личного участия в деятельности фирмы. И эта сволочь, похоже, тоже без особого сожаления отправит Гирию на живодерню.

Приходилось принимать решение. Болезненное решение.

И...

Зазвонил телефон.

– Да, – сказал Гирия.

– Здравствуй, дорогой! – жизнерадостным голосом произнес Садреддин Гейдарович.

– Привет, Саня, – Гирия беззвучно сплюнул.

– С наступающим тебя праздником, дорогой.

– И тебя туда же.

– Я слышал, что ты сегодня выходишь из... – Мехтиев сделал паузу. – Из санатория.

– Выхожу, – подтвердил Гирия.

– Очень хорошо, – обрадовался Мехтиев, – просто замечательно. Для меня это просто лучший подарок!

Радует, сука, подумал Гирия. Что-то ему с меня нужно. Айзер чертов!

– Приезжай сегодня ко мне, дорогой, – радушно сказал Мехтиев. – Посидим, отдохнем...

– Отдохнул уже, – буркнул Гирия.

– Очень тебя прошу, – кажется, голос Мехтиева стал жестким.

Всего на пару секунд, но Гирия уловил.

– Я еще не решил толком, куда поеду. Разные были мысли... – Гире совсем не хотелось куда-нибудь ехать, тем более к Мехтиеву, но, похоже, Саня будет настаивать.

И это значило, что есть у него серьезный разговор. И обижать кавказца тоже не следовало. Пока, во всяком случае.

– Хорошо, – сказал Гирия.

– Спасибо, дорогой, – медовым голосом произнес Мехтиев. – Сегодня, часов в десять, да?

– Да, – сказал Гирия и выключил телефон.

– Сука чернозадая, – сказал Гирия, бросая телефон на кровать.

– Нет, какой козел, – покачал головой Садреддин Гейдарович. – Почему мне все время нужно иметь дела с такими козлами?

Али, помощник Мехтиева, только чуть усмехнулся.

– Ты вот улыбаешься, а мне не просто придется разговаривать с этим уродом, мне еще придется его развлекать и уверять в своей дружбе, – Мехтиев налил себе в стакан немного коньяку и отпил маленький глоток.

– Его давно нужно было убрать, – тихо сказал Али.

Али всегда говорил тихо, но собеседники обычно прислушивались к его словам.

– И что делать дальше? – осведомился Мехтиев. – Воевать непонятно с кем? Ты же знаешь, что меня приглашал к себе этот... который крыша у Гири вместо Андрея Петровича.

– Виктор Евгеньевич, – подсказал Али.

– Да, это Виктор Евгеньевич, – Садреддин Гейдарович допил коньяк. – И ты знаешь, как он со мной говорил.

Али помнил, с каким настроением вернулся с той встречи Мехтиев. Помнил, как ругался его обычно спокойный шеф, как возмущался тем, что этот Виктор Евгеньевич оказался в курсе всей истории с гибелью своего предшественника, что знает, кто нанимал чистильщиков и даже сколько это стоило.

– Мне нужен Гиря, – сказал Мехтиев.

– А, может, лучше Зеленый? – совсем тихо предложил Али.

– Юрий Иванович? – Мехтиев задумчиво покрутил пустой стакан в руках, поставил его на стол и достал из кармана четки.

– Да. Ведь это же он тогда позвонил и сказал, кто заставляет Гирию наезжать на нас.

Мехтиев, опустив веки, задумчиво перебирал четки.

– Гринчук не станет с нами работать, – протянул Мехтиев. – Ты же знаешь.

– Знаю, – сказал Али.

Он прекрасно знал, что Гринчук взятка не брал. Знал также, что Гринчук человек умный и осторожный. Но теперь у него был слишком сильный аргумент, для разговора с круто поднявшимся ментом.

– Как вы думаете, Садреддин Гейдарович, – сказал Али, – а знают те, наверху, что это Гринчук нам сдал Андрея Петровича?

Пальцы Мехтиева продолжали, не торопясь, перебирать четки.

– Нам ведь нужно всего лишь, связаться с кем-нибудь из тех, кто над Виктором Евгеньевичем, и попытаться с ними подружиться.

– Попросим об этом все-таки Гирию, – сказал Мехтиев.

– Но ведь он и сам не знает, кто стоит за его крышей.

– Вот именно поэтому мы попросим Гирию. Гиря дурак, и если ему предложить красивую морковку, он побежит вперед, не задумываясь, – веки Мехтиева дрогнули, поднимаясь. – А с Гринчуком мы тоже поговорим. Потом. Когда начет суетиться Гиря. Зеленый, кажется, сейчас крутится как раз с теми, кто может повлиять на Виктора Евгеньевича. Зеленого нужно будет только немного подтолкнуть.

Мехтиев спрятал четки в карман.

– Ты вот что, Али...

– Да?

– Ты займись Зеленым и его друзьями. Посмотри осторожно, кто ему дорог, кто его приятель, любимая женщина... Все посмотри. Только очень аккуратно посмотри. Он очень осторожный и умный. И я бы не хотел, чтобы он заметил слежку и обиделся.

Али кивнул.

– Я очень не хочу, чтобы он обиделся, – Мехтиев встал из-за стола, – такие люди, как Юрий Иванович должны быть или друзьями, или...

Али снова кивнул.

– Пока я хочу с ним дружить, – сказал Мехтиев. – Пошли ему, кстати, подарок к Новому Году. Только...

– Что?

– Только такой подарок, чтобы он его принял. Не деньги-меньги, и не ящик коньяка... Придумай что-нибудь.

– Я придумаю, – сказал Али.

– И не в руки ему суй, как взятку, а...

– Я придумаю, – повторил Али.

– Придумай, – сказал Мехтиев, – праздник все-таки.

* * *

– Все-таки праздник, – сказал Гринчук в телефонную трубку.

– Праздник, – согласилась Нина. – Ты когда приедешь?

– И приеду ли я вообще...

– Знаешь, Гринчук, мне это начинает надоедать.

– Что именно? – невинным голосом осведомился Гринчук.

– Я, конечно, не твоя жена, и даже не любовница. Я так, баба для раз-два трахнуться...

– Это твоя версия.

– Это правда. И я не возражаю. Пожалуйста. Приезжай когда хочешь, делай чего захочется...

– В какой угодно позе... – подхватил Гринчук.

– Только говори, когда приедешь, чтобы я не ждала как дура, – Гринчуку показалось, что Нина всхлипнула.

– Ну не знаю, – сказал Гринчук. – Не знаю. Честное слово. Даже не представляю, что у меня будет этой ночью. Если смогу – приеду.

– А сможешь?

– Если жив буду – приеду, – Гринчук покосился на стоящего у двери Братка.

Тот укоризненно посмотрел на подполковника и ушел на кухню. Хлопнула дверца холодильника.

– Это опасно? – спросила Нина.

– Ага, – ответил Гринчук, – вначале для печени, потом для мозгов.

– Будь ты... – начала Нина, но Гринчук ее опередил.

– Не надо, Нина. Проклятия – дело такое, что и оглянуться не успеешь, как шерсть обсыпалась, и гробовщик мерку снимает. Я приеду. Постараюсь.

Нина повесила трубку.

Гринчук тоже.

В комнату вошел Браток, держа в руках открытую бутылку пива. Посмотрел на Гринчука. Снова укоризненно.

– Что, Ваня, не нравлюсь? – спросил Зеленый.

– Не нравиться, товарищ подполковник.

– И хрен с тобой, Ваня. Я не итальянская сантехника, чтобы всем нравиться. – Гринчук сунул руки в карманы и прошелся по комнате. – Да и итальянская сантехника нравиться людям потому, что в нее можно нагадить.

– Нинка ведь тоже – не унитаз, – сказал Браток. – Она ведь человек...

– Человек, – кивнул Гринчук, – а я тогда кто?

– Тоже человек, – Браток отхлебнул пива и присел на подоконник.

В комнате не было никакой мебели, кроме кровати и пары стульев, занятых одеждой.

– Ну, так имеет тоже человек право не выслушивать нравоучения? – спросил Гринчук.

– Имеет, – Браток сделал большой глоток и вытер губы. – Только и остальные люди имеют право на то, чтобы о них не вытирали ноги.

– Что ты говоришь? – восхитился Гринчук. – С каких это пор мы стали такими тонкими психологами и борцами за женское счастье? Пьешь, между прочим, мое пиво, и меня же еще и учишь.

– Пиво, между прочим, это я вчера за свои бабки купил, принес и поставил в холодильник, – спокойно сказал Браток, – еще я туда поставил молоко, консервы и положил несколько пачек пельменей. Иначе у вас, Юрий Иванович, ни хрена в холодильнике не было бы. Это, во-первых. А во-вторых, товарищ подполковник, не хрен передо мной выпендриваться, сильную личность корчить. Сами боитесь с Нинкой определенности, оттого и жилы мотаете ей и себе.

– Это ты сейчас придумал? – спросил, помолчав, Гринчук.

– Это Миша сказал. Еще два месяца назад, – Браток поставил ополовиненную бутылку на подоконник рядом с собой.

Гринчук кашлянул, почесал в затылке и присел на край кровати. Вид у него был несколько смущенный. И это смущение было настолько необычным для Зеленого, что Браток поспешил отвернуться и посмотреть в окно.

– А где он? – спросил Гринчук.

– Миша? Пошел подарки покупать. Ему нужно много подарков купить. Бабе Ирине, Доктору, близнецам этим, Кошкиным. Нине твоей, между прочим, и еще там...

– Бабам его, – подсказал Гринчук. – Ты-то всем подарки приготовил?

– Сколько мне там их готовить? – Браток начертил на стекле какую-то загогулину.

– Вот и мне, – хмыкнул Гринчук, – и мне, в общем, некого осчастливливать.

– Нинку вон осчастливьте, – предложил Браток. – Позвоните вон и скажите, что, типа, любите, просите прощения.

– Слушай, а ты не хочешь пойти на фиг прогуляться? – осведомился Зеленый. – Пойти, типа, за подарками?

Браток молча встал и вышел из комнаты.

Гринчук постучал пальцами по спинке кровати. Взял телефонную трубку и набрал номер.

– Ало, Нина?

Открылась дверь, и в комнату заглянул Браток:

– От меня ей привет и поздравления.

Дверь успела захлопнуться, прежде чем в нее врезалась подушка.

Перед Новым годом обычно звонят много. Телефонные линии в этот день всегда перегружены поздравлениями и приглашениями.

Но и в такие дни бывают исключения.

Человек, звонивший из телефонной будки возле вокзала, вовсе не собирался поздравлять кого-либо. Человек этот был настроен очень серьезно. Он полагал, что работа должна выполняться, независимо от времени года, погоды и праздников.

– Это Кристина Генриховна? – спросил человек, когда после двух длинных гудков трубку сняли.

– Да, – ответил мужской голос.

– У нас все готово, – сказал человек.

– Завтра, – сказал мужской голос.

– Как договаривались, – подтвердил человек в телефонной будке и повесил трубку.

Вышел из телефонной будки, посмотрел на часы, потом, словно проверяя их, посмотрел на электронное табло перед вокзалом. Быстро пересек площадь и подошел к зеленой «девятке». Сел за руль.

На заднем сидении сидели двое парней. Того, что сидел справа, звали Лехой, второго – Кацо.

– Что скажешь, Володя? – спросил Леха.

– Завтра, – ответил Володя и завел двигатель.

– Твою мать, – сказал Леха, – теперь и не выпьешь толком. Весь праздник изгадили.

– И, если все будут тип-топ, – сказал Володя, – еще с неделю пить не будем.

Леха выругался, а Кацо засмеялся.

– И нюхать тоже не будем, – сказал Володя. – Потерпите за такие бабки.

– Куда теперь? – спросил Кацо, когда машина тронулась.

– Еще раз посмотрим хату, проверим запасной вариант и глянем, не слишком ли засыпало дорогу.

Володя был человеком предусмотрительным.

Предусмотрительным был и Граф. Весь высший свет звал его именно так, и в устах этих новых дворян Граф звучало не кличкой, а именно титулом. Граф не был одним из них, но он, безусловно, заслуживал уважения.

Граф был владельцем заведения, которое просто именовалось «Клуб». Без названия и вывески. Просто – Клуб.

Попасть туда мечтали многие, но попадали только те, кого с легкой руки Полковника именовали новыми дворянами. Граф держался со своими клиентами без панибратства, давая понять, что осознает дистанцию между собой и ими, но при этом возникало впечатление, что он не нарушает это дистанцию потому, что считает это для себя унижительным. Он был Графом.

И он был ответственным за Новогодний бал.

И, готовя праздник, Граф старался предусмотреть все.

Он заблаговременно арендовал приличный дом отдыха за городом, с большим залом, очень приличными номерами, баней, сауной, бассейном. Граф лично проконтролировал, чтобы елки, установленные в зале и во дворе, были настоящими праздничными елками.

Подробно проинструктированная охрана заблаговременно заняла свои посты, тщательно обследовав все помещение и близлежащую территорию на предмет неприятных и опасных сюрпризов.

Обслужу Граф поставил свою, из Клуба, дополнив ее ребятами из службы большого дома. Были заготовлены дрова для костра и мангалов. Тщательно отобраны участники концертной программы.

Граф прекрасно понимал, что всем этим новым дворянам не откуда брать традиций праздничных приемов, что свои знания о них новые черпали из книг и фильмов, посему и сам ориентировался на фильмы и книги.

В углу зала был расположен небольшой симфонический оркестр, а на сцене – достаточно популярная рок-группа. Были приглашены также и проститутки, но они должны были приступить к работе только в том случае, когда кто-то из гостей выразит такое желание, и если это не будет нарушать общей благопристойности торжества.

Гости съезжались на бал часов с девяти вечера.

Машины подкатывали к подъезду, гости торжественно выходили в свет прожекторов, поднимались по красной ковровой дорожке на крыльцо, где их лично приветствовал Граф. Мужчинам он пожимал руку, дамам руку целовал, успевал сказать комплимент и тут же переходил к следующей паре.

Общую торжественность нарушало только то, что гости следовали в сопровождении охранников, одного-двух крепких парней, но Граф был реалистом и понимал, что без секьюрити, своего собственного, родного, гости будут чувствовать себя просто голыми.

Около десяти часов приехал Полковник.

– Гринчук еще не приезжал? – спросил он Графа после обмена рукопожатиями.

– Юра? – Граф чуть приподнял бровь, что у него выражало высокую степень удивления. – А разве он приглашен?

– Посмотрите список приглашенных, – печально произнес Полковник.

Граф открыл изысканную кожаную папку, перевернул страницу.

– Да, – подтвердил Граф, – Юрий Иванович Гринчук и сопровождающие его люди. Последняя строчка. Но еще позавчера ее не было.

– Не было, – вздохнул Полковник. – До распоряжения Владимира Родионыча. По моей просьбе.

– Вот и славно, – сказал Граф, шагнул вперед, приветствуя новую пару. – Вы сегодня, Лиза, просто неотразимы. Потрясающее платье.

Дама лет сорока, в розовом платье с открытыми плечами благодарно улыбнулась.

– Но, – Граф чуть наклонился к уху дамы, украшенному бриллиантом, – я бы рекомендовал вам расположиться в зале за столиком справа от сцены. Номер три.

– А что так? – так же тихо спросила дама.

– Пять минут назад приехала госпожа Липская, я предложил ей столик слева, номер десять. Она приехала также в розовом платье. Естественно, не в таком изысканном, но...

– Спасибо, Граф, – сказала Лиза. – Вы просто душка.

– Вы просто душка, – желчно произнес Полковник, нервно поглядывая по сторонам.

– Станешь тут душкой, – ответил Граф. – Вы помните, что произошло в прошлом году, когда эти две красавицы пришли в одинаковых платьях и оказались за одним и тем же столиком?

Это помнили все.

– Не нужно так волноваться, – сказал Граф. – Юра не может сделать ничего необдуманного.

– Да? – Полковника передернуло. – И он может просто так три месяца прикидываться пьяницей только для того, чтобы его пригласили на этот бал?

Граф удивленно посмотрел на Полковника.

– Представьте себе! – Полковник посмотрел на часы. – Я чувствую себя полным идиотом, понимая, что он меня, как и все других, разыгрывал. И понимая, что я не понимаю, для чего он это делал.

– Юру надо воспринимать серьезно, – сказал Граф. – Юру нельзя недооценивать и обижать. Юре нужно доверять.

– Взять бы вашего Юру за ноги, да головой об мостовую, чтобы он не играл в свои игры!

– Очень может быть, – чуть склонил свою голову с безукоризненным пробором Граф, – но я бы лично этого делать не стал. И вам бы не советовал.

– Я и сам это прекрасно знаю, – дернул подбородком Полковник. – Но знаете, как это неприятно, когда тебя в очередной раз делают дураком. Во сколько мы начинаем?

– В двадцать два ноль-ноль, – ответил Граф. – А вот, кстати, Владимир Родионыч.

Владимир Родионыч подождал, пока ему откроют дверцу, не торопясь вышел из машины и медленно поднялся по ступеням, опираясь на трость из красного дерева. Охраны с ним не было. Была его секретарь, тридцатилетняя ослепительная красавица Инга, которая была именно секретарем, и ни кем больше.

– С наступающим, – сказал Владимир Родионыч Полковнику и Графу.

Граф и Полковник также поздравили Владимира Родионыча.

– Мы как раз собирались начинать, – сказал Граф. – Через четыре минуты.

Владимир Родионыч благосклонно кивнул и прошел во внутрь, придерживая дверь перед своим секретарем.

– Вы тоже проходите, Полковник, – Граф ободряюще тронул Полковника за плечо, – Гринчук никогда не сделает ничего необдуманного.

– Да, но, обдумав, он иногда вытворяет такое! – всплеснул руками Полковник и вошел в здание.

Граф задержался на крыльце, огляделся, словно мастер перед демонстрацией очередной работы. Повернулся к двери.

Во двор въехал «джип».

Охранники возле крыльца двинулись, было, навстречу, но из машины вышел Гринчук, и Граф окликнул охрану:

– Это гость.

– Это подполковник милиции Гринчук, – сказал Гринчук. – Начальник оперативно-контрольного отдела. В сопровождении сотрудников этого отдела.

Из джипа вышли Михаил и Браток.

Все трое держали в руках объемистые бумажные пакеты.

– Еще не началось? – спросил Гринчук у Графа.

– Вначале – небольшая оркестровая увертюра, на семь с половиной минут, потом приветствие конферансье, затем – первый номер шоу, – ответил Граф, внимательно рассматривая Гринчука. – А я думал, ты будешь с Ниной. Ей было бы приятно попасть в такое общество. Отдохнуть...

– Работа, Граф, работа и еще раз арбайт, – развел руками Гринчук. – У меня здесь, у нее – в клубе. Она – деловая женщина.

– А ты деловой мужчина, – закончил Граф. – То-то сейчас Полковник дергался, тебя высматривая.

– Высмотрел? – осведомился холодно Гринчук, поднимаясь по ступенькам и проходя мимо Графа.

– Большая личная просьба, – сказал ему вдогонку Граф. – Не стреляйте в пианиста.

– Драку на десять вечера заказывали? – спросил Браток.

– Но если уплачено, – тяжело вздохнул Граф, – какая разница?

Браток нервно хохотнул.

– Не волнуйтесь, Граф, – Михаил остановился возле него. – Все будет нормально. Вы, кажется, курите трубку?

– Да, – ответил Граф.

Михаил протянул ему пачку английского табака:

– С наступающим Новым Годом.

– С наступающим Новым годом! – воскликнул конферансье. – Счастья, удачи, радости и любви вам, господа.

Оркестр играл что-то изысканное, гости немного похлопали, поощряя конферансье. Гостям положено быть снисходительными к артистам на праздниках. Беднягам приходится работать, когда другие отдыхают.

Полковник еще раз посмотрел на дверь, почти неразличимую в полумраке. То, что Гринчук опаздывал, могло быть и хорошим знаком. И плохим.

– Налейте мне шампанского, Полковник, – капризным тоном потребовала соседка по столу.

– Да-да, конечно, – спохватился Полковник, взял бутылку и налил даме вина.

Он отвлекся вначале этим, потом необходимостью сказать тост и чокнуться с парой, сидевшей за тем же столиком. И пропустил тот момент, когда в зал вошел Гринчук и сопровождающие его лица.

Почувствовал подвох он только тогда, когда услышал пробежавший по залу шумок.

Все смотрели на Гринчука. И было на что посмотреть.

Гладко выбритый, аккуратно подстриженный подполковник милиции в парадной форме, не торопясь, проследовал к сцене, поднялся по ступенькам и остановился возле ошарашенного

конференсье. Оркестр вначале сбился с ритма, затем, сделал паузу и вдруг заиграл «Наша служба и опасна и трудна». Дирижер подумал, что шутку уместно будет поддержать мелодией.

Теперь уже почти все в зале решили, что видят первый номер шоу и зааплодировали. Милиция для них была чем-то вроде части пейзажа или исполнителями ролей в милицейских сериалах. Прошло уже достаточно много времени с тех пор, когда присутствующие в зале гости по делам лично общались с милиционерами. Даже с дорожной милицией, остановившей сгоряча шикарный лимузин, обычно все улаживали водители и телохранители.

Не аплодировали двое – Владимир Родинович и, естественно, Полковник. Полковник пожевился, поймав на себе жесткий взгляд Владимира Родионыча.

– Добрый вечер, господа, – сказал подполковник Гринчук в микрофон, отобранный у конференсье.

В зале снова зааплодировали и засмеялись, а конференсье попятился со сцены. Уж он-то точно знал, что ментов в программе концерта не было.

– Меня зовут Юрий Иванович Гринчук, – сказал Гринчук, не обращая внимания на смех и шум. – Я начальник оперативно-контрольного отдела.

В зале снова засмеялись.

В том, что сказал Гринчук ничего смешного, естественно, не было, но гости были настроены на развлечение. И готовы были смеяться даже от самых плоских шуток. А какая шутка может быть более плоской, чем наряженный в милицейский мундир актер, изображающий деловую активность на празднике.

Полковник представил себе, что Зеленый вот сейчас заявит что-то вроде «Караул устал» и еще стрельнет в потолок. Полковник застонал и закрыл глаза.

– Это один из этих? – спросила у Полковника соседка. – Из Ментов? Из актеров?

Гринчук переждал шум:

– Я уже три месяца нахожусь на этой должности и, к сожалению, не имел еще возможности представиться вам.

Аплодисменты. Смех.

– Владимир Родионыч, – Гринчук чуть поклонился в сторону столика, за которым сидел Владимир Родионыч, – пригласил меня на эту работу для того, чтобы я предотвращал и расследовал преступления и другие правонарушения, которые вы вдруг вздумаете совершать друг против друга.

Овации. Хохот.

– Владимир Родионыч предоставил мне возможность сегодня обратиться к вам всем, чтобы мне не пришлось посещать всех вас на дому.

– Посетите меня! – послышалось сразу несколько женских голосов.

– Он такой милый! – воскликнула соседка Полковника.

Тот, не открывая глаз, кивнул.

– Еще Владимир Родионыч просил меня предоставить отчет о проделанной работе, – Гринчук открыл папку, которую держал перед этим в руке.

Барабанщик из рок-группы выдал барабанную дробь.

Зал замер, ожидая развлечения. Понятно, что сейчас артист в мундире выдаст что-то особенно смешное. Или необычное.

– Здесь все, что я имею сообщить Совету, в лице Владимира Родионыча – он с этим, я полагаю, познакомится завтра, после праздника, – Гринчук перевернул несколько листочков, – а я сейчас буду вынужден произвести некоторые действия, вызванные непосредственной необходимостью.

– Что сейчас чувствует Владимир Родионыч? – подумал Полковник, отстраненно так подумал.

В принципе, Гринчук выполняет распоряжения Владимира Родионыча. Он трезв и у него есть отчет. И он вполне укладывается в установленные сроки. Запрета на Новый год не было, а было даже приглашение. И, кстати, именно для более близкого знакомства с обществом.

Теперь Полковник ясно понимал, отчего у Гринчука по жизни с начальством складывались очень непростые отношения.

– Итак, – сказал Гринчук.

– Сейчас он достанет кролика из фуражки, – выкрикнул кто-то из гостей, почувствовавший себя на цирковом представлении.

Гринчук поправил фуражку и улыбнулся.

Господи, подумал Полковник, какая у него неприятная улыбка.

– Нет, я сейчас не буду доставать кролика. Я сейчас попрошу включить общий свет. Пожалуйста.

Зажегся свет.

– А теперь я попрошу охранников господ Студеникиных сдать мне не зарегистрированное оружие, которое они носят незаконно, – Гринчук посмотрел в сторону столика, за которым сидели Студеникины: муж, жена и две пятнадцатилетних дочери. Двое охранников семьи сидели на стульях возле стены.

Кто заплодировал, но быстро замолчал, сообразив, что на шутку это не похоже.

Студеникин-старший, побагровев, начал подниматься из-за стола.

– Вы, Юрий Николаевич, можете не вставать, – сказал Гринчук, – а вот ваши охранники, Митя и Витя, пусть встанут, подойдут к сцене и сдадут мне оружие.

В зале вдруг наступила тишина.

Юрий Николаевич Студеникин открыл рот, глубоко вздохнул и посмотрел на охранников.

Охранники, массивной фигурой и короткими прическами похожие друг на друга как близнецы, медленно встали.

– Быстрее, пожалуйста, – сказал Гринчук ледяным тоном. – У меня слишком много работы.

Охранники немного растерянно посмотрели на хозяина, тот еле заметно кивнул. Лица охранников просветлели.

Медно грохнул в оркестре оброненный взволнованным музыкантом инструмент. Понятно было всем – Студеникин расценил милицейскую выходку как оскорбление. И разрешил своим людям самим найти приемлемый выход.

Никто из присутствующих дворян, естественно, вмешиваться не собирался. Приказывать чужим охранникам было не принято. Полковник оглянулся на Владимира Родионыча. Только он мог все остановить. Но Владимир Родионыч молчал с непроницаемым лицом.

Охранник медленно приближались к сцене, наслаждаясь, похоже, всеобщим вниманием. Они, в отличие от хозяев, ментов знали неплохо, и, как им казалось, от их беспредела, чисто конкретно были защищены. А вот мент, кажется, этого не понимал.

– Оружие, пожалуйста, вот сюда, – сказал Гринчук, указывая на край сцены.

Витя одним прыжком легко вскочил на сцену, за ним последовал Митя. Или это Митя первым прыгнул, а Виты вторым? Их вообще обычно путали.

Витя (или Митя?) протянул руку к Гринчуку. Второй охранник последовал его примеру.

Подполковник был такой чистенький, такой отутюженный, высокий, но при этом худощавый, что охранники опасности в нем не видели. А мундир...

Полковник покачал головой. Лично он, если бы сошел с ума и решил драться с Зеленым, делал бы это немного осторожнее.

Зал затаил дыхание, ожидая развлечения.

Его ожидание было одновременно оправданно и обмануто. Развлечение было, но длилось оно от силы секунд пять.

Гринчук уронил папку, она упала на сцену. Потом на сцену упали Митя и Витя. Гринчук наклонился и поднял папку. Витя и Митя остались лежать.

Пауза.

Потом кто-то неуверенно зааплодировал.

Гринчук оглянулся, заметил за сценой конференсье и поманил его рукой:

– Не могли бы вы извлечь из этих господ оружие? Пожалуйста.

Гринчук улыбнулся. Конференсье вздрогнул, затравленно оглянулся и подошел к лежащим охранникам. Гринчук подождал, пока он расстегнет смокинги охранников и выложит на сцену два пистолета.

– Там еще есть и запасные обоймы, – подсказал Гринчук, – подмышкой, справа.

Конференсье достал обоймы и положил их рядом с пистолетами.

– Спасибо, – сказал Гринчук. – Далеко не отходите, еще можете понадобится.

Конференсье кивнул и отошел в глубь сцены, чуть не перевернув от сильной растрепанности чувств стойку микрофона. Ударник врезал палочкой по медной тарелке, конференсье схватился за сердце. Ударнику из рок-группы все происходящее очень нравилось.

Полковник его чувств не разделял.

– Теперь, – сказал Гринчук, заглянув в свои записи, – я хотел назвать еще трех охранников, но не стану. А лишь попрошу своего помощника, прапорщика Бортнева подобрать с полу три единицы огнестрельного оружия.

Браток, также как и Гринчук, выбритый, отутюженный и парадный, быстро прошел вдоль столиков и, извинившись, поднял с паркетного пола лежащие там пистолеты.

– А обойм там случайно нет? – спросил Гринчук.

Из-под столов, словно от удара ноги, на середину зала скользнуло несколько обойм. Все посмотрели на охранников, стоявших там возле стены, но лица у тех были бесстрастны и даже безмятежны.

– Очень хорошо, – одобрил Гринчук, – а ношение кобуры под одеждой нарушением закона не является. Для всех остальных, интересующихся, скажу, что все оружие и снаряжение ваших телохранителей и охранников нужно регистрировать. И тогда неприятностей не будет. А в знак своей доброй воли и в ознаменование приближающегося праздника, я не стану привлекать вот этих вот граждан...

Один из лежащих на сцене охранников пошевелился и застонал.

– Вот этих граждан за нападение на сотрудника милиции, да еще при исполнении им служебных обязанностей, – закончил свою мысль Гринчук и снова углубился в изучение своих бумаг.

Зал напряженно ждал.

Полковник вдруг с изумлением понял, что все сидящие в зале неприкасаемые сейчас лихорадочно перебирают в голове свои прегрешения, за которые странный и таинственный начальник оперативно-контрольного отдела может прямо сейчас сделать их прикасаемыми. И личные телохранители уже не выглядели такой уж надежной защитой.

Полковник почувствовал, как у него на лице начинает расплываться неуместная, нелепая и совершенно искренняя улыбка. Вам нужен был мент, подумал Полковник, их есть у меня.

– Это подождет, – пробормотал Гринчук про себя, но так, что все услышали. – Макаровы...

Все быстро посмотрели в сторону столика, за которым сидела семья Макаровых. Глава семьи явственно напрягся и ослабил галстук. Его жена прижала руку к груди.

– Это мелочь, – пробормотал Гринчук, – это потом.

Макаровы облегченно вздохнули.

– Месропян, Калинины, Райзман, Махмутов... – скороговоркой перечислял Гринчук, и названные вздрагивали и замирали, даже не пытаясь возмущаться или требовать объяснений.

Они просто боялись, понял вдруг Полковник. Боялись самым пошлым и беспомощным образом.

– Да, – оторвался от записей Гринчук, – я не буду называть имен, но если я еще раз узнаю, что некоторые дамы из здесь присутствующих...

Гринчук обвел взглядом зал, и под его взглядом все почему-то стали опускать глаза.

– ...будут садиться за руль в нетрезвом состоянии, – кто-то выдохнул с явным облегчением, – то я приму меры, чтобы лишить их такой возможности. Если уж мужьям не жалко жен, то хотя бы пожалейте машины.

– Всем понятно? – спросил Гринчук, и зал ответил нестройным и каким-то блеющим «Понятно».

Полковник почувствовал, что сейчас захохочет. Сдерживаться было с каждой секундой все трудней. Краем глаза он заметил шевеление за соседним столиком и увидел, что двадцатилетняя дочь одного из самых влиятельных людей города торопливо, под столом, выбрасывает из косметички несколько сигарет. Уронив их на пол, девушка растерла сигареты ногой и облегченно вздохнула.

– В мои обязанности входит также ведение профилактических мероприятий, по предотвращению преступлений, – Гринчук говорил казенные слова казенным тоном, и это превращало все происходящее в какую-то абсурдную постановку.

– Лишне будет напоминать, что небольшие правонарушения могут привести к правонарушениям серьезным, а то и к преступлениям. В этом случае лучше перебдеть, чем недобдить. В связи с этим, я прошу господина Липского, – все посмотрели на Липского, – обратить особое внимание на своего сына. Если вы в ближайшее время не уговорите его...

– Да пошел ты! – выкрикнул семнадцатилетний Липский-младший.

– Сидеть! – повысил голос Гринчук, мальчишка замер, а возле него вдруг появился Михаил, тоже парадный и ухоженный.

Михаил чуть коснулся плеча мальчишки, и тот быстро сел на место.

– Это, кстати, еще один сотрудник моего отдела – лейтенант Михаил Иванович Мухачев, – представил Гринчук, и барабанщик поддержал представление дробью.

– Леня Липский повадился распускать руки по отношению к обслуге, к людям обеспечивающим его быт, – голос Гринчук стал ледяным. – Особенно ему нравится бить девушек, особенно когда этого не видит никто, кроме его охранников. Если подобное произойдет еще раз, я приму меры. И поверьте, это будут очень действенные меры.

Липский-старший зверем посмотрел на сына, а Липская-жена, в шикарном розовом платье, наклонилась к мужу и многие услышали, как она сказала: «Я тебе говорила, что он подонок». Липская была мачехой Лени, и то, что они друг друга не любили, знали многие.

– И, наконец, – Гринчук сделал паузу.

Долгую паузу.

Барабанщик понял, что пауза эта перед чем-то важным и разразился длинной дробью.

Полковник понял, что сейчас действительно произойдет нечто важное, и напрягся. Гринчук просто обязан был закончить свое выступление чем-то эффектным. Даже пришедшие в себя Витя и Митя оценили напряженность момента и тихо ретировались со сцены.

Гринчук чуть качнул головой, и дробь прекратилась. Тишина была просто звенящей.

– Я вынужден прямо сейчас задержать и удалить с праздника одного человека.

Гости переглянулись.

– Я обращаюсь к господину Чайкину, – сказал Гринчук и добавил быстро, даже торопливо, – ни к нему, ни к членам его семьи у меня претензий нет. Но у меня есть серьезные претензии к одному из их охранников. Громову.

Дальнейшее происходило в очень быстром темпе.

Громов стремительно бросился к выходу. Михаил, который все еще стоял за спиной у Липского-младшего, шагнул в сторону, вроде бы легко зацепил охранника правой рукой, сделал еще шаг, и Громов вылетел на середину зала, оставленного свободным для танцев.

На пути летящего Громова, тоже как-то случайно оказался Браток, который принял его двумя руками и, не давая остановиться, направил его к сцене. А там его уже ждал Гринчук.

Словно сам собой Громов развернулся и упал на колени, вывернув руки за спиной. Щелкнули наручники.

– Еще раз напоминаю, – сказал ровным голосом Гринчук, – мы будем очень жестко пресекать всякую попытку не выполнения приказа работников нашего отдела, или, боже упаси, сопротивления им.

Михаил и Браток подошли к Громову.

– Я приношу свои глубочайшие извинения семье Чайкиных, – сказал Гринчук, – но я не думаю, что они потерпели в своем ближайшем окружении торговца наркотиками.

Гринчук рывком поднял Громова на ноги, расстегнул на нем пиджак.

Михаил аккуратно извлек из внутреннего кармана пиджака увесистый пакетик с белым порошком.

– Суки! – взревел Громов, дернулся и застонал, снова опускаясь на колени.

Михаил передал подполковнику пакет.

– Мы можем полагать господина Громова уволенным? – спросил Зеленый.

Чайкин встал из-за стола. Его дочь, симпатичная девочка лет четырнадцати, попыталась вскочить, и даже выкрикнула что-то неразборчиво, но мать обхватила ее за плечи и удержала на месте.

– Да, конечно, – сказал Чайкин. – Я благодарен вам... э-э...

– Юрий Иванович, – подсказал, вставая Владимир Родионыч.

– Да, Юрий Иванович, – сказал Чайкин, – большое вам спасибо.

Михаил и Браток подняли Чайкина на ноги и вывели его из зала. Полковнику показалось, что тот пытается что-то кричать, но отчего-то не может.

В полной тишине Владимир Родионыч подошел к подполковнику Гринчуку.

– Вот, пожалуй, и все, – сказал Зеленый и добавил веско. – На сегодня.

– Я могу взять отчет? – тихо спросил Владимир Родионыч.

– Не весь, – ответил Гринчук. – Мне тут кое с чем еще нужно поработать.

Подполковник извлек из папки несколько листов, остальные отдал Владимиру Родионычу.

– Отчего-то я так и предполагал, – улыбнулся тот и обернулся к залу.

– Я искренне извиняюсь перед Юрием Ивановичем, что не представил его всем вам раньше, но он исправил мою ошибку. Теперь все мы, – Владимир Родионыч обвел взгляд залом и улыбнулся снова, – я так совершенно определенно, почувствуем себя в гораздо большей безопасности, чем раньше. Юрий Иванович будет исполнять в нашем обществе функции, если хотите, участкового инспектора. И я прошу вас всех...

Владимир Родионыч произнес это твердо, как приказ.

– Прошу вас всех выполнять требования господина подполковника. И помогать ему в его работе.

– Да чтобы я... – громогласно начал один из гостей.

– Господин Самойлович? – спросил Гринчук.

– Да, – опешил Самойлович.

– Вы не могли бы, Яков Абрамович, послезавтра связаться со мной по поводу вашей фирмы... Одной из ваших фирм, – очень вежливо улыбнулся Гринчук, и Самойлович осел.

– Если в действиях оперативно-контрольного отдела вам что-то покажется неправильным, – произнес Владимир Родионыч, – можете обратиться ко мне, или в Совет. Но перед этим требование выполните.

– Попробуй тут не выполнить, – прогудел из-за своего столика известный весельчак Ашот Ованесович Месропян.

И все засмеялись. Или почти все.

– С наступающим Новым годом, – сказал Юрий Иванович Гринчук. – Извините за беспокойство.

На сцену вышел немного успокоившийся конференсье. Погас верхний свет, и снова подал голос оркестр, играя что-то возвышенное и утонченное.

– Нет, какой мужчина, – сказала соседка Полковнику.

– Ого-го! – согласился Полковник и встал из-за стола.

У выхода из зала он нагнал Гринчука и Владимира Родионыча.

Владимир Родионыч подозвал официанта с подносом, взял два бокала вина, один протянул подполковнику:

– За взаимопонимание.

– Извините, – спокойно ответил Гринчук, – до Рождества – не пью. Всего хорошего.

– И с кем попало не пью, – грустно сказал Владимир Родионыч, глядя на закрывшуюся дверь.

Заметив подошедшего Полковника, он протянул ему бокал:

– А вы пьете с кем попало?

– И что попало в том числе, – Полковник взял бокал, – за что выпьем?

– За оперативно-контрольный отдел, – сказал Владимир Родионыч.

Выпили.

– И дай бог, – сказал Владимир Родионыч, – чтобы не попасть этому отделу под горячую руку.

– И под холодную, не дай бог, – добавил Полковник.

– Как вы полагаете, он на меня сильно обиделся?

– Я полагаю, что он сейчас полностью удовлетворен. Как автор сценария и режиссер. А вы как чувствуете себя в роли актера, Владимир Родионыч?

– А я себя чувствую деревянной марионеткой. В ловких и натруженных руках.

– Это пройдет, – сказал Полковник.

– Он перестанет нас просчитывать на восемь ходов вперед?

– Вы просто привыкнете. И я привыкну, и даже начну находить в этом удовольствие.

– Все-таки вы умеете, Полковник, подбирать людей!

– У меня вообще бездна талантов, – ответил Полковник. – Эту вашу фразу следует воспринимать как отмену приказа об увольнении Гринчука?

На середину зала вышли несколько бальных пар, заиграл вальс. Луч света упал на зеркальный шар под потолком, и по залу побежали мелкие зайчики. Некоторые утверждают, что они похожи на падающий снег.

Владимир Родионыч вернулся на свое место. Полковник двинулся к своему столику, когда в голову пришла мысль. Интересно, подумал Полковник, а что сейчас Гринчук делает с этим охранником, с Грозовым?

А Гринчук, собственно, с охранником не делал ничего.

Браток остановил «джип» в метрах двухстах от дома отдыха и вышел из машины. Вместе с ним вышел Михаил, достал из багажника веревку. Подошел к заснеженному дереву. Следом подошел Браток. Взял веревку и, поколдовав над ней, попытался забросить на крепкий сук метрах в четырех над землей.

Веревка не зацепилась, а на головы Братка и Михаила посыпался снег.

– Чего это они делают? – спросил Громов у Гринчука.

– Веревку на дерево цепляют, – лениво ответил тот.

– Какого хрена?

– Да так, – пожалала Гринчук плечами, – не в тюрьму же тебя вести.

Михаил отобрал у Братка веревку, и метнул ее вверх. Веревка перелетела через ветку, и Громов явственно увидел петлю, качающуюся в трех метрах над дорогой.

– Вы че, совсем охренели? – недоверчиво спросил Громов.

– Не совсем.

– Вас же за это посадят...

– Ну, это еще надо будет доказать... – протянул Гринчук. – А гостей ты завтра утром – развлечешь. Они не любят торговцев наркотиками.

Громов дернулся.

– Не было же у меня никаких наркотиков, не было! – закричал он. – Это же вы подсунули, суки! Вон летеха твой и подсунул.

В то, что его будут вешать, Громов поверил сразу. И в то, что эти странные отмороженные менты могут это сделать, он тоже поверил. Страх и обида. Обида и страх.

– Не мои это наркотики! Не мои!

– Знаю, – сказал спокойно Гринчук.

От такой наглости охранник задохнулся.

К машине подошел Браток, открыл багажник и достал табуретку. Обычную деревянную табуретку. Потом отнес ее к петле и поставил под ней.

– Не делай этого, подполковник, – простонал Громов. – Слышь, не делай. Ты же знаешь, что это не мои наркотики.

– Знаю, – ответил Гринчук. – а чего же ты тогда побежал?

– Я? Это...

– В туалет захотел, – подсказал Гринчук.

Громов снова дернулся и застонал.

– Молчишь, – констатировал Зеленый и вышел из машины. Подошли Браток и Михаил, молча вытащили Громова, подтащили к табурету. Водрузили охранника на него. Только почувствовав на шее петлю, Громов преодолел ступор, рванулся и захрипел, когда веревка пережала горло.

– Плохо? – спросил Гринчук.

Громов закашлялся.

– Плохо. А теперь представь, что бы с тобой сделал Чайкин, если бы узнал, что ты трахаешь его тринадцатилетнюю дочь?

– Так это из-за нее? – изумился Громов. – Да она сама... Я ведь не первый у нее... она знает, как ко мне...

– И это продолжается уже почти год, – сказал Гринчук.

– Ну и что? Что здесь такого? Я ведь не сильничал, мы...

– По любви, – сказал Гринчук.

– По любви, ага, по любви, – зачастил охранник. – Я бы...

– Женился бы, если бы папа разрешил?

– Женился бы, святой истинный крест – женился бы... – слезы потекли по лицу Громова.

Он уже и сам искренне верил, что любил эту Милу, что мечтал жениться на ней. И теперь ему нужно было только уговорить этого мента.

– Поверь... те, правда...

– Как в польском кино «Сара», – сказал Гринчук. – Благородный телохранитель и настоящая влюбленная дочь мафиози. А деньги ты из нее тянул тоже по любви?

Откуда он это знает? Откуда? Громов почувствовал, что задыхается, и не мог понять, от веревки или от страха.

– Ты тянул из нее деньги. Девчонке было приятно, что ее любит такой сильный и взрослый мужик. Смелый. А мужик этот тянул из нее бабки, как последний альфонс. И если бы только это...

– Я... не хотел... она сама...

– Набросилась, изнасиловала и силой всучила деньги. А когда ее родители заметили пропажу, ты помог найти виновных. Тогда ведь уволили твоего напарника и горничную... – Гринчук расправил плечи, с хрустом потянулся. – Ты же их допрашивал! С пристрастием. У парня оказалась сломана рука, а девчонка продала квартиру, чтобы расплатиться.

Громов заскулил.

– Как оно, выбью табуретку с одного удара? – задумчиво сам у себя спросил Зеленый.

– Не надо, пожалуйста, не надо... – Громов стал бы на колени, но веревка не пускала.

– Жить хочется? – спросил Зеленый.

– Да.

– А жизнь стоит денег. Сколько ты денег вытащил у девчонки? Тысяч двадцать баксов?

– Ага... да.

– Придется вернуть. Мне.

– Да, конечно! – Громов уже просто рыдал, не обращая внимания на то, что слезы замерзают на щеках.

– Завтра к полудню. Ко мне домой, – сказал Гринчук.

– Да, конечно...

– И не шути. Я не достану, обиженный папа найдет.

Гринчук вернулся в машину. Михаил сел за руль. Браток снял с Громова наручники и сел на переднее сидение.

«Джип» осторожно объехал стоящего на табурете Громова. Прибавил скорости.

– Помните, Юрий Иванович, я вас когда-то называл заподлым человеком? – спросил Браток.

– Помню.

– Это я тогда еще мягко сказал.

– Тебе не нравится? – спросил Гринчук. – А что ты предлагал сделать? Все сказать папе? То, что он грохнул бы подонка, тут и к гадалке ходить не нужно. А о девчонке та подумал? Каково ей было бы с таким клеймом? Или оставить все как есть?

– А деньги зачем из него тянуть? Вам зарплаты мало?

– А деньги, мил человек, нужно отдать той горничной уволенной, чтобы она хату себе купила, – Гринчук щелкнул пальцами.

– Но не петлю же одевать...

– Надевать, – поправил Михаил.

– На шею цеплять! – выкрикнул Браток. – Он же мог подохнуть там, на табурете.

– Мог, – согласился Гринчук.

Они немного проехали молча.

– Между прочим, – сказал Михаил, – уже полночь.

– Опоздал к Нине, – сказал Гринчук. – Она мне такое устроит...

– Тебя куда завезти? – спросил Браток.

– Я заеду к Ирине, обещал. К ней Доктор должен прийти. Юрия Ивановича в «Кентавр», а ты куда, Иван?

Браток промолчал насуплено.

– Тоже в «Кентавр», – распорядился Гринчук. – Его там ждут.

- Хорошо, – улыбнулся Михаил. – Там, кстати, сзади, для вас подарки. И Нине передайте. С Новым годом.
- С Новым годом, дорогой, – сказал Садреддин Гейдарович Гире.
- С Новым годом, – сказал Полковник своим соседям по столику.
- С новым годом, пацаны, – сказал Володя Лехе и Кацо. – Завтра мы начнем богатеть!
- Уже сегодня, – поправил Кацо. – с Новым годом.

Глава 3

Если даже не знать, что наступила полночь тридцать первого декабря, то это легко понять на слух. Если до полуночи на улицах и во дворах царит относительная тишина, и только сосредоточенно спешащие опоздавшие ее нарушают, то сразу после двенадцатого удара раздается дружный вопль, и начинают с грохотом рваться приготовленные накануне китайские петарды. Иногда взлетают сигнальные ракеты. Иногда даже пули летят в ночное небо. Но только после двенадцати часов.

До этого все празднуют, как правило, одинаково. Где-то за час до Нового года начинают провожать старый, желая друг другу нечто вроде «чтоб следующий был не хуже нынешнего», а после выступления президента начинают чокаться шампанским и поздравлять друг друга с Новым годом и с новым счастьем.

Вот этого Гринчук не понимал. Не смог он за свои тридцать семь представить, как это счастье может быть новым. Оно или есть, или нет. Иначе получалось, что в этом году ты мог быть счастлив от удач в работе, а в следующем – от успехов в личной жизни. А человек не может быть счастлив от чего-то одного, в этом Гринчук был уверен твердо. Человек может быть просто счастлив. Или не счастлив.

И из этих двух возможностей самому Гринчуку выпала вторая. Или даже не выпала. Она просто сопровождала его по жизни, начисто отменяя первую возможность и полностью отвергая теорию вероятности.

Нет, ему иногда удавалось почувствовать себя счастливым. И нельзя сказать, что Гринчук был несчастлив. Но и счастья он не испытывал.

Это как влюбленность, подумал однажды Гринчук. Сколько раз влюблялся. А вот чтобы любить... После этого сложного житейского рассуждения Гринчук махнул рукой и не пытался строить свою философскую систему. Счастья это, правда, не прибавило.

И жизнь норвила повернуться самым непредсказуемым своим боком.

За все время работы в милиции, Гринчук четко понимал, что ему мешает человеческая глупость и непорядочность. И если бы вдруг удалось жить так, чтобы не нужно было преодолевать эти непорядочность и глупость, то это уже почти было бы счастьем. Можно было бы чистить грязь, не обращая внимания на то, как высоко эта грязь забралась, как она, эта грязь, расценивается очень высоким начальством, и не находится ли с ним, начальством, в родственных отношениях.

Когда Полковник вручил Гринчуку удостоверение и предложил новую работу, Гринчуку вдруг, чуть ли не впервые в жизни, показалось, что счастье возможно. А потом, как обычно, пришло отрезвление. Новым дворянам Гринчук был не нужен. Совершенно. Они просто не представляли, зачем им, властным и сильным, может понадобиться какой-то мент, еще вчера топтавший асфальт в поисках мелких жуликов и пьяных хулиганов.

Новые дворяне просто не ходили в одиночку по темным улицам и не должны были топтаться на остановках, дожидаясь общественного транспорта. У них просто не было возможности почувствовать желание броситься к телефону, чтобы вызвать милицию.

Это Гринчук понял сразу. И даже не стал пытаться разубедить. Хотя понимал, что рано или поздно всем этим Новым придется столкнуться с проблемами. Такими, в которых сами Новые, как и их секьюрити разбираются слабо. И был выбор – ждать, пока у них появится необходимость в Гринчуке, или сделать так, чтобы к нему относились серьезно уже прямо сейчас.

Похоже, поздравил себя Гринчук, подъезжая к «Кентавру», ему это удалось. Новогоднее развлечение всем этим ухоженным мужчинам и женщинам должно показаться такой экзотикой, что помнить и говорить о нем, они будут долго. Так что – все получилось.

– Поздравляю вас, Юрий Иванович, – сказал Гринчук. – Искренне поздравляю с победой. С выдающимся достижением на ниве борьбы с преступностью. Борьбы и профилактики.

Гринчук поставил «джип» сразу возле входа в клуб, вылез из машины, но потом спохватился и полез назад, за подарками, своими и для Нины. От Михаила. И, как оказалось, от Братка. Еще там лежал подарки, которые Гринчук приготовил для Нины, для Михаила, для Братка... Теплые, почти семейные отношения, со злостью подумал Гринчук.

Он забыл отдать подарки Михаилу и Братку. Приготовил и забыл.

Почему забыл? И почему Браток в последний момент, когда Михаил уже вошел в подъезд, вдруг засуетился, отводя взгляд, и тоже вылез из машины.

– Я с Михаилом пойду, – сказал Браток. – Чего я там в клубе не видел?

– Как хочешь, – сказал Гринчук и пересел за руль.

– С Новым годом! – крикнул он вдогонку Братку, но тот не оглянулся.

Ну и пошел на хрен, подумал Гринчук. А я поехал.

Почему Гринчук почувствовал себя обиженным? И почему он не ощущал радости от этой сегодняшней удачи? Почему?

Гринчук хлопнул дверцу машины, нажал на кнопку пульта сигнализации. Машина мигнула фарами.

– С Новым годом, – сказал «джипу» Гринчук.

Как его встретишь, вспомнил Гринчук, так и проведешь. Веселенький год предстоит. Обхохочешься.

Дверь в клуб была закрыта.

И правильно, одобрил Гринчук, не хрен пускать кого ни попадя. Постучал ногой, потому что подарки начинали выскальзывать из рук. Еще раз.

Дверь открылась. На пороге стояли братья Кошкины.

– Добрый вечер, – сказали братья в один голос.

Это производило всегда неизгладимое впечатление. Братья всегда были вдвоем и когда говорили – а говорили они редко – то либо говорили одновременно, либо дополняли друг друга. Но при всем при этом, мало кто мог заподозрить, что эти очень выдержанные и доброжелательные здоровяки еще три месяца назад были бомжами, и жили, как и несколько десятков других Крыс, в Норе, неподалеку от бывшей городской свалки.

Сейчас, правда, на месте бывшей свалки во всю строился оптовый рынок, в овраге, на месте Норы, уже закончили первый уровень подземных гаражей, а Крысы рассеялись по городу, в поисках нового места жительства.

Остались только Ирина, которой Михаил купил однокомнатную квартиру, Доктор Айболит, живший у Ирины и братья Кошкины, которых тот же Михаил устроил охранниками в «Кентавр».

И нужно было признать, что Михаил поступил мудро. Несколько заторможенные от природы, Кошкины не пили, строго выполняли распоряжение начальства в лице Нины, и им и в голову не могло прийти уйти с поста или заняться чем-нибудь помимо работы. Их кормили, одевали, предоставили жилье в том же клубе, а ничего больше им для счастья было не нужно.

Они признавали только тех, кто о них заботился: Ирину, Михаила, Нину и Доктора. И еще они безоговорочно признавали авторитет Гринчука. Почему, этого не понимал даже Гринчук. Вряд ли в головы Кошкиных могло вместиться такое понятие, как уважение к мундиру или должности. И страха они не ведали. Но Гринчука уважали.

Еще Кошкины ненавидели насилие. Единственным способом вывести их из себя, было устроить драку, или просто ударить кого-нибудь в их присутствии. Тут уж остановить Кошкиных было невозможно. Нарушитель в течение десяти секунд оказывался на улице, не взирая на свой авторитет или свою крутизну. Посмотрев, как работают в таких ситуациях братья, Гринчук, сам неплохой рукопашник, решил, что кто-то талантливо заложил в Кошкиных несколько

простых, но очень эффективных приемов. И сам Гринчук с ними спаринговать бы не стал. Это, кстати, поняли и клиенты клуба. Быстро. Так что жизнь «Кентавра» протекала в последние пару месяцев практически без разборок и потасовок.

– Привет, – сказал Гринчук.

Кошкины улыбнулись.

– Все нормально? – спросил Гричун, входя в клуб.

– Да... – сказал один брат.

– Хорошо, – добавил второй.

– А где госпожа директор?

Из зала доносилась музыка и какие-то дружные выкрики. Вечеринка была в самом разгаре, и эм-си отработывал свои деньги. Раньше этих эм-си именовали массовиками-затейниками, но времена менялись. И не всегда в лучшую сторону, отмечал Гринчук.

– У себя, – сказал Кошкин, указывая рукой в сторону директорского кабинета, который теперь нужно было именовать офисом.

– Ждет, – сказал второй Кошкин и закрыл входную дверь на замок.

Теперь они оба смотрели на Гринчука выжидательно. С одной стороны, они ждали дальнейших указаний, а с другой стороны, им нужно было следить за порядком в зале.

– Идите, ребята, я сам, – решил их сомнения Гринчук, и братья скрылись в зале.

Музыка, ринувшаяся, было, в холл, затихла, снова придавленная дверью. Гринчук посмотрел на пакеты, которые держал в руках, потом перевел взгляд на дверь зала. Черт, братьям он, как раз, подарков не приготовил. Забыл. Просто не подумал. Хотя, они, кажется, счастливы, и без подарков.

Счастливы.

Снова это слово. И снова это дурацкое чувство неудовлетворенности. Все нормально, сказал себе Гринчук. Все в порядке.

Хреновый из него гипнотизер. Этот, аутотренер. Совсем никакой.

Гринчук подошел к двери кабинета. Постучал.

– Входи, – ответила Нина.

И Гричук вошел.

– Привет, – сказал Гринчук. – С Новым годом!

Нина сидела в своем кресле, за черным письменным столом, перед ней стояла бутылка шампанского и бутылка коньяку. И открытая коробка шоколадных конфет. Шампанское было еще не тронут, а коньяк наполовину выпит.

– Явился, – улыбнулась Нина. – А я уж и не ждала.

Она развела руками, демонстрируя угощение.

– Решила начинать без тебя. И, – Нина подняла указательный палец, – заканчивать без тебя.

– И жить без тебя! – выкрикнула Нина. – Надоело.

Гринчук сложил подарки на столе перед Ниной, сел в кресло напротив:

– Что надоело?

– Все.

Обычно о выпившем человеке говорят, что он навеселе. Но Нина веселой не была. Она обычно, чуть выпив, становилась агрессивной.

– Тебя ждать надоело, клуб этот надоел – все надоело, – Нина взяла бутылку, плеснула себе и в хрустальный стакан для Гринчука. – Выпей.

Гринчук взял стакан, покрутил его в руках.

– Или сказать, чтобы тебе принесли холодного чаю? – спросила Нина. – Будешь и дальше алкашом прикидываться?

– Уже можно не прикидываться, – сказал Гринчук, понюхав коньяк.

– Чего ты нюхаешь? – обиженно осведомилась Нина. – Хороший коньяк. На хороший коньяк у меня еще хватает денег. На коньяк – хватает.

Нина залпом, не чокаясь, выпила из своего стакана.

– Только на коньяк и хватает. А на ремонт клуба – хрен, не получается. И на новую аппаратуру – тоже. Может, у меня не денег не хватает, а ума? Мозгов, чтобы клубом руководить? Скажи, Гринчук, ты же умный.

Гринчук отпил из стакана.

Нина выжидательно смотрела на него, зрачки глаз были расширены, и в них Гринчук увидел себя.

– У тебя все есть Нина, – тихо сказал Гринчук. – Все. И ум, и внешность, и талант администратора. Только одного у тебя нет...

– Чего?

– Наркоты у тебя в клубе нет. Ты ее запретила продавать. А без наркоты такой клуб вытянуть не может никто. Чудес не бывает. Наркотики – обязательный пункт ассортимента таких заведений. Ты же это знаешь?

– Знаю. Но наркотиков продавать здесь не буду.

Гринчук допил коньяк.

– Тогда чем ты не довольна? Ты должна быть счастлива. Нет денег на ремонт? Зато нет наркотиков. И еще пару месяцев не будет. А потом либо ты сломаешься, либо придется продать клуб. А новый хозяин снова пустит сюда наркоту. И сменит твою службу.

– Думаешь, я этого не знаю? – Нина снова разлила коньяк в стаканы. – Ты мне что-нибудь хорошее скажи. Умное.

– Хорошее? – спросил Гринчук.

Он не ел с утра, и теперь коньяк начинал согревать желудок. И теплой волной стал пробираться в голову.

– Слышал, что сегодня из больницы выписался Гиря. Пардон, Геннадий Федорович. Ты, случайно, не по этому поводу напиваешься?

– И поэтому. Тоже. – Нина снова залпом выпила коньяк.

– Думаешь, он придет разбираться?

– Конечно. Придет. – Нина попыталась взять конфету из коробки, но не смогла. – Это ведь его клуб. А я. Только. Числюсь директором. Хреновым директором.

Гринчук отвел взгляд.

Нина было плохо. И еще хуже ей было оттого, что выхода не было. Хотя, один был. Нина о нем никогда не говорила вслух, но Гринчук знал об этом выходе.

Нужно было просто дать понять Гире, что теперь он, Гринчук, крыша Нины. И что теперь Гире нечего делать в «Кентавре». И самым неприятным во всем этом было то, что Гиря наверняка съехал бы с базара.

– Ты с ним поговоришь? – спросила, наконец, Нина.

– И что потом? У тебя потом появятся деньги без наркотиков? Или ты предлагаешь мне прикрывать эти наркотики? Ты этого хочешь?

– Я хочу, чтобы Гиря сюда не приходил, – неожиданно трезвым голосом сказала Нина.

Гринчук выпил свой коньяк.

– Не получится. Он обязательно придет. И придет не потому, что захочет повидать тебя, – Гринчук отодвинул стакан. – Он придет повидать меня. Ему очень захочется поговорить именно с Юрием Ивановичем Гринчуком. Лично. Типа принести свои извинения, за то, что попытался меня конкретно подставить нашим борцам за чистоту рядов. Он захочет поговорить со мной, и я не смогу ему отказать.

Гринчук невесело усмехнулся.

– И знаешь почему?

– Захочет извиниться, – ровным голосом ответила Нина.

– Почему я не могу отказать.

– Из вежливости, – взгляд Нины стал неподвижным.

Она словно рассматривала нечто, невидимое Гринчуку.

– Потому, что теперь есть ты. И твой бизнес. И он всегда сможет предложить мне сделку.

– А лучше было бы, если б я исчезла?

– Глупости, – сказал Гринчук. – Никто не должен исчезать.

Просто сложилась обычная безвыходная ситуация. Так или этак. Только выпадало Гринчуку общаться с Гирей. С Геннадием Федоровичем. Которого, по хорошему, стоило давно грохнуть. За тех, кто погиб по его вине.

Блин.

Гринчук взял бутылку, налил себе в стакан коньяку, и выпил.

– С Новым годом, – сказала Нина. – С новым счастьем.

– Тебе там ребята подарки передали, – сказал Гринчук.

– Спасибо ребятам.

– И от меня подарок, вот.

– Спасибо и тебе, вот.

Гринчук встал с кресла, прошел по кабинету. Нина продолжала смотреть куда-то в пустоту.

– Ну что вы сегодня взяли за меня! – сказал Гринчук.

– Тебе очень идет новая форма, – тихо сказала Нина.

– Подлецу все к лицу, – Гринчук расстегнул китель.

– Все, – согласилась Нина.

– Что вам не нравится? Что? Не можешь свести в клубе концы с концами в клубе? Брось его на фиг. Бабки нужны? Давай я тебе буду давать деньги. У меня хватит. Я знаешь, какую зарплату получаю? – Гринчук полез в карман. – Дать денег? Сиди себе дома...

– И жди, пока соизволит приехать сам Юрий Иванович, чтобы трахнуть меня, от нечего делать, – закончила за него Нина.

– Да. Сиди. И жди. Или не жди... Делай что хочешь! Только не нужно меня обвинять. Не нужно на меня так смотреть! Ни тебе, ни Братку. Я ни в чем не виноват. Не виноват я в том, что все мы топчемся по одним и тем же улицам и мешаем друг другу жить. И не можем мы из этого круга вырваться! – Гринчук понял, что кричит, замолчал и снова прошелся по кабинету. – Знаешь, почему нам так скучно жить? Потому, что мы все друг про друга знаем. Мы знаем, что в следующую минуту сделает другой. Вот через час, максимум, приедет сюда Гиря. Поздравлять и оговаривать наши с ним новые отношения.

– А у вас есть новые отношения? – спросила Нина.

– Да. Теперь есть. Теперь я буду с ним говорить почти ласково, потому, что воевать я с ним из-за тебя не хочу.

– Слишком мелкий повод?

– Я не стал его убивать, когда повод был куда больше, – Гринчук оборвал себя, чтобы не наговорить лишнего.

– Ты о том взрыве, возле клуба? – спросила Нина.

– Тебе Гиря сказал?

– Мне Браток сказал. И про гранату, которую вы поставили Гире в бар. Как предупреждение.

– Болтает Браток много, – махнул рукой Гринчук.

– Нет, это я из него по старой дружбе вытащила. Вы ведь тогда его могли и взорвать...

– И тебе было бы легче?

– Легче. Но ты не мог этого сделать.

– Мог, – Гринчук снова сел в кресло. – Меня тот же Браток отговорил. Не стоит оно того, сказал тогда Браток.

– Не стоит, – подтвердила Нина. – Браток вообще очень умный.

– Умный... Этот умный не захотел сюда ехать, и весь вечер только и ныл. То ему не так, это не так.

– Только этот вечер? – спросила Нина.

– Нет, и целый день. И вчера. И... – Гринчук замолчал.

С Братком творилось что-то странное. И уже давно. И Гринчук не обратил на это внимания. Прозевал.

– А что с ним? – спросил Гринчук.

– А это вы, гражданин подполковник, у него сами спросите, – сказала Нина. – Вызовите его к себе в кабинет, поставьте по стойке смирно. И прикажите рассказать все, как на духу. И гражданин прапорщик вам все расскажет. А вообще... Зачем вам его рассказы? Мы ведь все топчемся по одним и тем же улицам и знаем друг о друге все. Ты вон даже знаешь, что самое большее через час сюда придет Гиря. А кто еще сюда придет?

– А еще сюда придет кто-нибудь от Мехтиева.

– Тоже поговорить обо мне?

– С подарком, – ответил Гринчук.

– С подарком... – понимающе протянула Нина. – А почему именно от него и обязательно с подарком?

– А ему очень хочется быть со мной в хороших отношениях. Он считает, что я ему очень помог, и он мой должник. А такие как Саня Мехтиев, не любят чувствовать себя должником. Об одолжении я его не попрошу, так что он пришлет подарок.

– И ты его примешь?

– Попробую не принять, хотя...

– Ты не уверен в своих силах? – удивилась Нина. – Неподкупный подполковник Зеленый, не уверен, что сможет отказаться от подарка.

– Неподкупный, – повторил за ней Гринчук. – Неподкупный.

– Да, неподкупный. А что?

– Ничего. Совсем ничего. – Руки Гринчука сжались в кулаки. – Я неподкупный. А еще я неустрашимый? Да?

– Да.

– И уверенный.

– Конечно.

– И счастливый?

– А почему бы и нет?

– А почему бы и да? Почему я должен быть счастливым от того, что делаю? Почему мне должно нравиться то, что я сделал сегодня?

– А что ты сделал сегодня?

– А сегодня я ломал людей. Снова. Как обычно. Только на этот раз я их ломал вроде бы из благих намерений. Чтобы они могли получить мою защиту. Чтобы они ее попросили, или не отказались от нее. И я их сломал. Я чувствовал, как трещат они все, как начинают бояться те, кто уже даже забыл, где у них страх растет. А еще я сломал одного засранца, который был уверен, что... Которому казалось, будто он все может. Я его превратил в кучу дерьма. Сейчас он, наверное, носится в поисках денег. Я был прав. Прав, – Гринчук ударил кулаком по столу, – и завтра я снова сделаю тоже самое. И послезавтра. И если понадобится, я по уши влезу в дерьмо, чтобы защитить кого-то, кто мне потом и спасибо не скажет. Но почему я должен быть этим счастлив? Объясни.

– Не знаю... – Нина потянулась к бутылке, потом махнула рукой. – Наверное, в этом твоя работа. Ты ее умеешь делать, и ты ее делаешь. И счастлив должен быть от того, что работа твоя приносит людям...

– Радость? Хрен там, а не радость приносит моя работа.

– Тебе разве не нравится, что ты можешь поставить на место какого-нибудь урода?

– А для этого обязательно быть ментом? Для этого обязательно иметь ксиву и ствол? Я умею это делать, я это делаю, но...

– Ты слишком все усложняешь, – сказала Нина.

– Усложняю? – переспросил Гринчук. – Давай по другому. Мне ты нравишься. Мне нравится быть с тобой. И я бы не хотел, чтобы мы перестали...

– Трахаться, – подсказала Нина.

– Нет. Чтобы мы перестали быть вместе.

– Но...

– Но почему я должен быть счастлив оттого, что первый раз ты легла со мной в постель по приказу Гири? – Гринчук понимал, что касается болезненной для Нины темы, но ничего с собой поделать уже не мог. – Ты ведь тогда меня кадрила, чтобы тебя Гиря не выпер с работы. И клуб этот получила в награду... Так?

Нина открыла сумочку, достала пачку сигарет, щелкнула зажигалкой, прикуривая. Пальцы ее дрожали.

– Ведь так? – еще раз спросил Гринчук.

– Так, – сказала, наконец, Нина. – И это что-то меняет?

– Да. Нет. Не знаю... – Гринчук снова налил коньяка и выпил.

– Тебе лучше остановиться, подполковник Гринчук, – произнесла ровным голосом Нина, скомкав сигарету в пепельнице.

– Иначе что? – зло спросил Гринчук.

– Иначе мы больше никогда не встретимся.

– Ты меня выгонишь?

– Дурак. Просто ты никогда ко мне не придешь. Ты мне никогда не простишь, что я слышала все это. И что я видела тебя таким, – Нина встала с кресла, обошла стол и подошла к Гринчуку. – Юра...

Гринчук мотнул головой, отворачиваясь.

Нина провела рукой по его щеке.

– Знаешь, что женщины ценят в сильных мужчинах?

Гринчук не ответил.

– В сильных мужчинах женщины ценят уверенность. А знаешь, чего они никогда не прощают таким вот уверенным мужчинам? Они не прощают им когда... – Нина замешкалась, подбирая нужные слова. – Когда мужик не сомневается в своей уверенности. Понимаешь? Когда мужик железный, ни на минуту не задумывается, а идет напролом, не сомневается, это хорошо, за ним, как за ледоколом можно идти. Только если его зажмет льдами – ты вместе с ним погибнешь. А ты...

– Что я?

– А ты помнишь, тогда, в первую ночь... ты знал, что меня подкладывает к тебе Гиря... что я за это бабки получу от него... а тебе было нужно, чтобы он поверил в твою... чтобы... но ты ведь тогда попытался меня оттолкнуть... – Нина повернула к себе лицо Гринчука и наклонилась, заглядывая ему в глаза. – И я могла тогда уйти. И когда я осталась у тебя, то это уже не по приказу Гири. Это я сама решила. И я...

В дверь кабинета постучали.

– Что там? – Нина выпрямилась, опустила руки и обернулась к двери.

На пороге появился один из Кошкиных:

– Там...

Кошкин пришел один, без брата, и некому было заканчивать фразы.

– Пришел кто-то? – спросила Нина.

– Гиря, – сказал Гринчук.

– Здравствуйте, Геннадий Федорович, – сказала Нина, выйдя в холл.

Ночь, и без того не слишком веселая, была испорчена окончательно.

Вряд ли это успокоило бы Нину, но новогодняя ночь была испорчена не у нее одной.

Липский–старший переживал свой позор тяжело.

Он не привык, чтобы его тыкали, как провинившегося котенка, мордой в лужу. Причем, в лужу, к появлению которой он имел не самое прямое отношение. Олег Анатольевич Липский был человеком занятым, дела свои старался вести лично, не передоверяя их помощникам, дел было много, а это значило, что на все остальное времени не хватало.

Не хватало его и на наблюдение за жизнью Леонида, сына от первого брака. С его матерью Липский не жил уже семь лет, но все еще продолжал чувствовать себя виноватым. За тот развод, за новую, молодую жену, даже за двух детей от второго брака... За то, что не смог хотя бы примирить свою новую жену с Леонидом.

И теперь вот, после выходки странного и неприятного подполковника милиции, чувствовал себя еще и опозоренным. Если бы этот Гринчук просто подошел к нему, и посоветовал...

Липский считал себя человеком справедливым, поэтому, подумав, честно сказал себе, что просто так подойти к нему этот милиционер не смог бы.

За охрану Липский платил много, и среди охранников у него не было случайных людей. Это идиот Студеникин мог пользоваться услугами перекачанных дебилов, способных только опозориться и опозорить хозяина. Липский отбирал охранников так, чтобы они могли защитить и семью, и ее репутацию.

Кто же знал, что этот малолетний подонок воспользуется этим. И что охранники именно так поймут свои обязанности.

А Леониду на все наплевать, раздраженно подумал Олег Анатольевич. Он веселится так, будто ничего не произошло. Танцует вон, с дочкой Чайкиных. И она не комплексует по поводу того, что ее кавалер имеет привычку бить девушек из обслуживающего персонала. А Леньку, по-видимому, интересует информация об охраннике. И о наркотиках.

Олег Анатольевич раздраженно отвернулся.

– Может, потанцуем? – предложила жена.

– Не сейчас, Наташа, – пробормотал Липский. – Совершенно нет настроения.

Наташа понимающе посмотрела в сторону Леонида.

– Только не нужно снова начинать об этом, – предупредил Липский. – Я и сам все понимаю.

Жена кивнула и накрыла руку мужа своей ладонью. Она уже давно уговаривала мужа отправить Леонида куда-нибудь за границу. В частную школу. Отношения Натальи с пасынком не сложились и по ее вине тоже, но сейчас у нее появился веский аргумент.

Нужно было только правильно его использовать.

– Может, тогда поедem домой, – многообещающим голосом предложила Наталья.

– Домой... – задумчиво протянул Липский.

Это был вариант. Хватит с него этого показного сочувствия. Уже двое подошли, один с соболезнаванием по поводу выступления милиционера, а другой – по поводу выходки сына.

– Пожалуй, – сказал Липский и жестом подозвал старшего из охранников.

– Да, Олег Анатольевич, – Дима наклонился к Липскому.

– Мы, пожалуй, поедem домой, – сказал тот.

– Все?

Липский посмотрел на сына.

– Похоже, что нет. Не думаю, что Леня все бросит из-за такого пустяка, как позор семьи. Позови его, пожалуйста, ко мне, и прикажи готовить мою машину.

– Хорошо, – кивнул Дима. – С вами поедет Рома и Ренат...

– А почему не вы, Дима? – вмешалась Липская. – С нами ведь всегда ездите вы.

– У Ромы что-то с желудком, – сказал Дима. – Пусть лучше едет. А я останусь с Григорием.

– Ладно, – кивнул Липский, – делайте, как знаете.

– И спасибо за подарки, – сказал Дима.

– Бронежилеты не жмут? – удовлетворенно поинтересовался Липский.

– В самый раз. И за премиальные огромное спасибо, – Дима подошел к Леониду, что-то сказал ему.

Тот недовольно оглянулся, увидел, что отец и мачеха встали из-за стола, и подошел к ним, что-то бросив своей партнерше по танцу.

– Домой? – спросил Леонид.

– А ты остаешься?

– Естественно. Я не идиот, чтобы срываться с праздника, – Леонид иронично улыбнулся мачехе. – Я себе, если что, даму и тут найду.

– Ладно, – сдержался Липский, понимая, что на них сейчас смотрят почти все в зале. – Завтра поговорим.

– В смысле, второго января, – сказал Леонид и снова улыбнулся.

И снова очень неприятно.

– В смысле, – первого, – сказал Липский.

– Второго, папахен, второго. И, кстати, денег не подбросишь? На праздник. Неохота у ребят одалживать.

Липский скрипнул зубами и, стараясь не смотреть на жену, достал из бумажника деньги:

– Хватит?

– Там посмотрим, – заявил сын и забрал деньги. – Со мной кто остается?

– Дима и Григорий. У твоего постоянного что-то с желудком.

– Нормально, – небрежно кивнул Леонид. – «Мерс» ты забираешь?

– Да. А ты обойдешься «тойотой», – Липский отвернулся и вышел из зала.

У самого выхода из здания попрощался с Графом, спустился к машине. Сел на заднее сидение, возле жены.

Машина плавно тронулась.

– Нам нужно будет что-то решать по поводу школы, – сказала жена.

– Давай об этом поговорим завтра, – предложил Липский.

– В смысле, второго января? – неприятным голосом спросила Наталья.

Липский молча отвернулся.

Машина выехала за ворота, но, проехав немного, затормозила.

– Что там? – спросил Олег Анатольевич.

– Не выходите, пожалуйста, из машины, – сказал Рома.

Липский с удивлением услышал, как лязгнули затворы автоматов. Рома открыл дверцу и вышел из машины, держа автомат в руках. Водитель опустил стекло возле себя и положил ствол своего автомата на край окна.

– Что это? – Наталья схватила мужа за руку.

– Что там? – спросил Липский водителя.

Тот молча указал рукой вперед. Посреди дороги, на нетронutom с прошлого года снегу, стоял табурет. И над ним весела веревочная петля. Медленно падал легкий снег, бесшумно влетая в освещенный фарами круг, и ложась ровным слоем на табурет.

Липский увидел, как Рома левой рукой достал из кармана рацию, что-то в нее сказал, медленно обводя стволом автомата деревья справа от дороги.

– Мне страшно, – сказала тихо Наталья.

Липскому тоже было неприятно, но вслух он этого не сказал. Лишь молча погладил руку жены.

Прошло минуты две. Свет фар сзади осветил машину Липского. Тот вздрогнул, но потом понял, что это прибыло подкрепление. Подъехал «джип», из него быстро выпрыгнули четверо людей с автоматами. Еще четверо появились сзади, из-за машины. Один из них осматривал табурет и петлю. Остальные вошли в лес по краям от дороги, осматривая все вокруг.

Рома вернулся в машину.

– Похоже, чья-то дурацкая шутка, – сказал он. – Но на всякий случай, нас сопровождают до города.

До самого города Липский молчал. И в квартире молчал, до самой спальни. Лег, и только тогда сказа жене:

– Странно начался новый год. Ты не находишь?

– Давай куда-нибудь уедем? – вдруг предложила жена. – За границу. Далеко-далеко...

* * *

– Далеко-далеко, – сказал Али, поднимая бокал. – Так выпьем же за то, чтобы наши враги были нашими врагами, чтобы наши друзья были нашими друзьями, и чтобы и наши враги, и наши друзья нас уважали.

Гиря выпил с готовностью. Выпила Нина. Выпил Гринчук. Выпил Али и перевернул фужер, демонстрируя, что тот пуст.

– Слушай, Али, – сказал Гринчук. – Вам же закон запрещает пить.

Али еле заметно улыбнулся:

– Я очень давно живу здесь. И я знаю, что аллах не обидится на меня за маленький фужер вина, но никогда не простит, если я оскорблю уважаемого человека.

– Ты и с аллахом договоришься, Али... – сказал Гиря.

– Для того язык человеку и дан, чтобы договариваться с хорошими людьми. Руки человеку даны, чтобы плохого наказать, а хорошему – подарок подарить, – Али достал из сумки свернутый шелковый платок, обернулся к Гринчуку.

– Я знаю, – сказал Али, быстро, чтобы Гринчук не успел возразить, – знаю, что вы, Юрий Иванович, никогда не берете подарков не от друзей.

Гиря хмыкнул неопределенно, но Али на это не отреагировал.

– И я знаю, что вы никогда не назовете недостойного человека другом.

Гринчук пожал плечами.

– Садреддин Гейдарович, который к своему большому сожалению не смог сюда приехать, попросил меня передать вам от него самые лучшие пожелания. И найти такой подарок, который не оскорбит вашу честь и не унижит вас.

Гринчук снова попытался что-то сказать, но Али снова его опередил:

– Долго думал я над поручением Садреддина Гейдаровича. И вот что решил.

Али взял платок в две руки.

– Мой дед подарил это мне. А ему это подарил его дед. А его деду – его дед. Всегда он был в нашем роду. Всегда он защищал честь нашего рода. Много раз он поражал сердце врага, но никогда спину.

Али развернул платок.

– Возьмите этот клинок, пожалуйста. Ему триста лет. Когда хотят оказать честь человеку, дарят ему самое ценное. Когда хотят оказать честь дарителю – принимают подарок и тут же

забывают о нем. И мне не жалко отдать этот клинок в достойные руки, – Али протянул кинжал Гринчуку.

Тот встал. Искося глянул на Нину. Она улыбнулась.

Гричук вздохнул и протянул руку.

– Спасибо, Али.

Али передал кинжал и поклонился:

– А теперь мне нужно уходить. Меня ждет работа.

Али вышел. Гринчук сел на место и посмотрел на кинжал.

– Попал, Зеленый? – спросил Гирия.

– А мы что, перешли на «ты»? – осведомился Гринчук. – Мне придется вас Гирей кликать?

– А ты... вы за три месяца не подобрали, гражданин подполковник. И кстати, как это так быстро подполковником стали? – Гирия налил себе в фужер остаток коньяка и выпил. – За Андрея Петровича?

– За кого? – спросил Гринчук.

– Теперь уже ни за кого, – махнул рукой Гирия. – Теперь уже за жратву для червей.

Гирия выгреб из коробки конфету, закусил.

– А у тебя тут, Нина, хорошо. Уютно в клубе. Слышал, наркоту ты здесь перекрыла?

– Да, – коротко ответила Нина.

– Сама придумала, или Зеленый присоветовал? – Гирия посмотрел на Гринчука и вроде бы как спохватился. – Юрий Иванович.

– Сама решила.

– И как? Нормально?

– Потихоньку.

– Ну, тады – ой! – засмеялся Гирия. – А мне пацаны жалуются, забурела Нинка, всех посылает. Точно, мент у нее крышей. Нет?

– Нет, – ответила Нина. – Я сама. И я...

– Да ради бога! – замахал руками Гирия. – Хочешь – поиграйся еще. Пока бабки не кончатся. А потом, если продавать клуб будешь, ты мне его продай. Так по честному будет? А, Юрий Иванович?

Гирия обернулся к Гринчуку. Тот молча кивнул.

– Ну, тогда нет базара, – Гирия потянулся к коробке, – ничего, что я еще одну штучку съем?

– Хоть всю коробку, – ответила Нина.

– Не, всю нельзя, – Гирия демонстративно, двумя пальцами взял одну конфету, а коробку отодвинул. – Конфеты женщинам и детям.

Гринчук молча рассматривал подарок.

– Крутая вещь, – заметил Гирия, снова наливая себе водки. – Я в этом деле не особенно, но когда Саня спросил у Али – ваше здоровье – что тот надумал дарить, а тот показал ему пыху, Саня чуть не охренел на фиг.

Гирия снова налил и выпил.

– Это ж дамасская сталь, – сказал Гирия. – Он же, наверное, на вес золота стоит. А то и дороже. Ты шелком об него попробуй. Если настоящий – точно перережет. Обмоешь со мной?

Гринчук покачал головой.

– Ну, тогда я сам. В больнице врачи не давали, прикинь. Нервы, говорят, успокаивать нужно. А их только вот водочкой и успокоишь. Да, а с ножом фигня получается. Это, может, у них ножи дарить круто, а у нас острые вещи не дарят. У нас это плохая примета, – Гирия отхлебнул, на этот раз из бутылки. – Нужно было ему с тебя хотя бы копейку взять, вроде

бы как за продажу. А так получается, что он вроде бы тебе свинью подложил. Этих горцев не поймешь! То этот Саня просто друзан классный, а то начинает такое нести...

Гирю, похоже, начинало развозить. То ли он приехал уже теплым, то ли действительно отвык за три месяца.

– А давай мы с тобой, Нина, выпьем за дружбу, – предложил Гиря. – За светлую и крепкую.

– Вам обоим уже хватит, – сказал Гринчук.

– Во! – обрадовался Гиря. – Мужик. Вовремя остановиться – это правильно. Ничего, Юрий Иванович, мы с тобой ... с вами, типа, сейчас на улицу выйдем, прогуляемся по морозцу. Оно и попустит... Вы прогуляетесь со мной, Юрий Иванович?

Гринчук встал.

Гиря тоже вскочил. Качнулся, но удержался за спинку кресла.

– Извини, Нина, – сказал Гринчук. – я потом подъеду, днем.

– Извини, Нинуля, – помахал рукой Гиря, – я твоего друга заберу. Он меня домой проводит. Нельзя же меня в таком состоянии одного отпускать?

– До свидания, Геннадий Федорович, – сказала Нина.

– Пошли, подполковник? – Гиря остановился возле двери и, поклонившись по-шутовски, пропустил Гринчука вперед.

Потом оглянулся на Нину и подмигнул:

– Ты меня, Нина, прости, что праздник подпортил. Но вот зуб даю – больше не приду. Ты только позвони, как продавать эту фигню будешь.

Гринчук успел забрать из машины куртку и шапку, когда Гиря вышел, пошатываясь, на улицу.

– В тачке не поедим, – заявил Гиря. – Пешком пойдем.

– На метро, – сказал Гринчук. – Сегодня всю ночь поезда ходят.

– На метро? – Гиря засмеялся. – Прикинь, я уж и не помню, сколько на метро не ездил.

Прикольно.

Гиря шагнул, поскользнулся, но, взмахнув руками, удержался и не упал.

– Ты б меня поддержал, Юрий Иванович, – попросил Гиря.

Гринчук подошел к нему и молча потянул за воротник вверх.

– Не, не, – запротестовал Гиря. – Под руку.

Откуда-то из темноты вдруг вынырнули два крепких парня.

– Стоять, – скомандовал Гиря. – Это свой человек. Это сам Юрий Иванович Гринчук. Он меня провожает до дому. А вы, пацаны – свободны. Слышали, что я сказал?

Парни потоптались неуверенно, потом снова скрылись в темноте. Зажглись фары, и машина уехала.

– Прикидываете, грааж... гражданин подполковник, я за них и забыл совсем. Блин.

– Может хватит? – спросил Гринчук.

– Чего хватит?

– Пьяным притворяться. Я ж вас знаю. Вас дня три поить нужно, чтобы до такого состояния довести.

– Умный... – с непонятым выражением сказал Гиря. – Ну, раз такой умный – тогда скажи, о чем я с тобой поговорить хочу.

– Да еще так, чтобы посторонние не услышали, – в тон ему сказал Гринчук.

– Чтобы не услышали, – подтвердил Гиря.

– С Мехтиевым что-то не поделили?

– С Саней? Не, С Саней мы сейчас корешки. Он, падла, у меня рынок овощной увел, «стометровку» откусил. Теперь хочет на оптовый рынок влезть. И в казино. Друзан, одним словом, – Гиря хохотнул. – Ладно, пошли. Где тут у вас метро.

– А при чем здесь я? – Гринчук оглянулся – пусто, только вдалеке какая-то компания весело строила снеговика.

– Если так глянуть, – Гиря наклонился и поднял пригоршню снега, – то ты как бы и не при делах. Но если глянуть по другому...

Гиря сжал руку, потом бросил получившийся снежок в ствол дерева. Снежок прилип точно посередине.

– Тебя, боюсь, это тоже коснется.

– Я должен испугаться?

– Ты? Нет. А вот подумать – стоит. – Гиря остановился и повернулся к Гринчуку. – Твои новые кореша знают, что это ты Сане про наезд на меня стукнул?

– Вы это о ком? – поинтересовался подполковник. – И о чем?

Гиря снова засмеялся:

– Веселый у нас с тобой базар получается.

– Новый год, – напомнил Гринчук.

– Праздник. Ты, кстати, я, понял, подарку не удивился. И моему приезду не удивился. Кто-то у Сани стучит?

– Зачем? Мехтиев с тех самых пор вокруг меня топчется, хочет дружить. На день милиции подарка не подарил, понимает, что в этот день взятки обычно идут. День рождения у меня в марте, ждать долго. Значит, Новый год остается. Я так и думал, что подсунет такое, от чего вроде и отказаться нельзя. С вашим визитом еще проще. Вы вышли из больницы – накопились дела. А Нина и «Кентавр» – ваши дела. Пацаны, и вправду, небось, мозги проели по этому поводу.

– Ты, кстати, Нинку не обижай. Она баба хорошая. Я это сразу понял, еще когда в секретарши ее к себе брал. Потому и сам не обижал, и пацанам запретил. И ты ее не обижай...

Гринчук сплюнул.

– Не сердись, Зеленый. Ты ведь не по злобе обидеть можешь. Просто забудешь, что ей может быть больно, – неожиданно серьезно сказал Гиря. – Ты крутой парень, умный. Меня тогда со взяткой просчитал, Андрея Петровича и следака своего, Чебурашку, подставил, чтоб он в ваше гестапо не стучал.

– Куда?

– Ну, в эту, внутреннюю безопасность, или как вы ее там называете.

Гиря резко обернулся на душераздирающий визг.

Из распахнувшейся с визгом двери, на снег вылетело человек десять, с бенгальскими огнями и бутылками шампанского.

– С Новым годом! – заорала какая-то дама и бросилась целовать Гирю и Гринчука.

Ее оттащили. Компания отправилась дальше по улице, где виднелись огни большой елки.

– Так вот, – вытерши снегом с лица помаду, продолжил Гиря, – ты мужик умный, но думаешь, что остальные, кто с тобой, такие же. А люди, они твари слабые. Они хотят, чтобы их жалели. Ты моих пацанов видел?

– Очень слабые и жалкие, – сказал Гринчук.

– Прикалываешься... А знаешь, что я на каждый праздник каждому из них подарочек вручаю? А на день рождения я накрываю ему стол. Любому, хоть своему водиле, хоть бригадиру, хоть быку... Ты у своей Нинки спроси, день рождения каждого, бабы его, жены там, или сожительницы, детей... – всю было записано. И каждого поздравляли.

– Дорого выходило? – спросил Гринчук.

Гиря резко обернулся к Гринчуку, потом засмеялся и погрозил пальцем:

– Не нужно меня доставать сейчас. Я, наверное, по твоим понятиям, типа уroda... но ты меня послушай. Последняя тварь все для тебя сделает, если почувствует, что ты к ней относишься, как к человеку. Ты пойми, Зеленый, они ж все – с улицы. А там живым остаться – уже

счастье. Ты не думал, почему ты и другие правильные менты, все правильно делаете, а народ к нам идет. Ко мне. Не прикидывал? Они ж знают, что я их не озолочу. Знают, что у меня и грохнуть могут, что я сам могу... всяко бывает. А идут ко мне, а не в дружинники. Знаешь чего? А того, что вы им предлагаете стать такими как все, а для меня они все исключительные. Въехал?

– Въехал, – сказал Гринчук.

Потом взял Гирию за отвороты дубленки и встряхнул.

– А теперь ты послушай, красавец. И не перебивай. По моим понятиям, ты – гнида, которую давно нужно было придушить. И если бы ты подох, дышать стало бы легче. И пацаны, которых ты делаешь исключительными, тогда, может, чем другим занялись бы. И уж во всяком случае, наркоты всякой на улицах стало бы меньше. И разговариваю я сейчас с тобой только потому, что...

– А почему? – спросил сипло – горло ему Гринчук сдавил – Гирия. – Почему? Интересно тебе? Тогда поставь меня наместо.

Гринчук разжал руки. Гирия откашлялся и поправил шарф.

До входа в метро они прошли молча.

– Может, такси? – предложил Гринчук.

– Нет, на метре так на метре, – упрямо сказал Гирия. – И мы еще не поговорили.

На станции Гирия глянул на специально вывешенное новогоднее расписание, потом посмотрел на часы:

– О, еще минут десять есть. Присядем?

Они сели на скамейку, стоявшую на платформе.

– Я тебя и поблагодарить забыл, – сказал Гирия.

– За звонок Мехтиеву? Забудьте.

– Не за звонок, – покачал головой Гирия. – Это ж ты тогда мне гранату в кабинет поставил? Ничего не дрогнуло на лице Гринчука.

– За то спасибо, что шанс мне тогда дал.

– Для чего шанс?

– Подумать. Я в больнице посидел, подумал... И понял, что самое главное для меня. Да для любого это самое главное, – Гирия полез было за сигаретами, но передумал.

– И что же?

– Живым остаться. Не дать этим уродам себя замочить.

– Благое желание, – кивнул Гринчук. – Есть классный способ – замочить уроков раньше.

– И замочу. Замочу. Только...

В метро спустилась компания. Кто-то затыкнул «В лесу родилась елочка», кто-то с шумом открыл шампанское. Кто просто заорал от избытка чувств.

– Ты Сане не верь, – сказал Гирия.

– А я и не верю. И вам, кстати, тоже.

– И мне не верь. Но Сане не верь в первую очередь. Он на тебя виды имеет. На твоих новых друзей. На тех, кто тебе новые погоны надел. Он хочет, чтобы его туда взяли, чтобы...

– Куда взяли? – уточнил Гринчук.

– Не знаю, как это называется. Но ты все равно меня понял. Ты умный. Он меня на это зарядил, чтобы я искал туда выходы, – заметив на лице Гринчука улыбку, Гирия тоже усмехнулся. – Вот и я про то. Какого хера он меня на такое стремное дело подписывает? Чтобы я к тебе пришел? Или еще чего? Не знаю. Только он это крепко решил. И если договорится с этими, то он здесь все подчистит.

– А вам-то что?

– А меня туда не возьмут при любом раскладе. Если его возьмут, он меня здесь тоже в живых не оставит. Понял? – Гирия посмотрел на часы. – И где ж этот поезд?

– Опаздывает, – сказал Гринчук. – Праздник.

Людей на платформе собралось уже десятка три.

– Праздник, – протянул Гирия. – Но Сане ты не верь. Все время оглядывайся.

– Хорошо, – кивнул Гринчук. – Только ты, Гирия, тоже запомни – у нас это с тобой последний такой душевный разговор. Самый последний. И если ты действительно хочешь выжить – лучше со мной не пересекайся.

– Это уж как карта ляжет, – сказал Гирия, вставая со скамейки. – Что-то мне перехотелось в метре ездить. Пока. Нинку не обижай.

Гирия, не торопясь, прошел по платформе. Встал на эскалатор, помахал Гринчуку рукой. Тот отвернулся.

Не хватало еще выслушивать поучения от Гири. Как-нибудь сам разберется со своими делами. И с Ниной, и с Братком. Жизнь – это как... Как, вон, поезд метро. Есть тоннель. И рано или поздно из тоннеля появится поезд. Не танк или самолет, а поезд.

Послышалась музыка. Баян.

Веселится народ. Радует. Какая свадьба без баяна? Гринчук взглянул на стоящих на платформе людей. Странно, баяниста среди них не было, но звуки баяна явственно усиливались. Кто-то играл «Прощание славянки».

Те, что стояли на правом краю платформы вдруг оживились, что-то закричали. По эскалатору спустилась дежурная по станции и двое сержантов милиции. Гринчук встал со скамейки. Подошел к краю платформы.

Жизнь действительно похожа на метро. Ты будешь стопроцентно уверен, что должен появиться поезд, а появиться может все, что угодно. Например, пьяный мужик с баяном.

Как он попал в тоннель?

Шапка сбита на затылок, пальто расстегнуто, баян орет, а за спиной мужика медленно движется поезд. И лицо у машиниста не злое, а какое-то даже одухотворенное. Праздничное лицо.

Народ закричал радостно, сержанты начали слезить с перрона за мужиком, а тот все продолжал играть.

Гринчук вышел из метро. Осмотрелся. Достал из кармана телефон и набрал номер.

– Нина?

– Да.

– Бросай все, садись на такси и поехали к Мишке. К бабе Ирине. Там сейчас и Браток. Ты как, не против?

– Не против, – сказала Нина.

– Тогда я жду возле подъезда.

Гринчук вспомнил мужика с баяном и засмеялся. Праздничное настроение вдруг появилось само собой, словно подтверждая старое правило, что Новый год нельзя встретить, как запланировал. Даже если ты его решил для себя испортить. Это Новый год.

Гирия был, в общем, доволен. Мехтиев выслушал Али и тоже остался удовлетворен. Владимир Родионыч в компании Полковника даже позволил себе выпить немного больше чем обычно, Наталье Липской удалось в постели отвлечь мужа от печальных мыслей и даже повернуть их в нужном направлении.

Граф, провожая до утра гостей, был доволен, что ничего, кроме совершенно идиотской петли над дорогой и табурета, не омрачило общего течения праздника.

Даже Леонид Липский, проснувшийся в номере с проституткой в полдень первого января, был доволен. Это поняли и оба охранника, потому, что Леня, против обыкновения не делал вездливых замечаний и не придирался к обслуге.

Последнее, правда, могло быть результатом вчерашнего эксцесса, но этого Григорий и Дима обсуждать не стали.

Чтобы не портить себе настроения, они даже не возражали, чтобы Леонид сел за руль. До города, не дальше, как клятвенно пообещал Леонид.

Володя, Леха и Кацо тоже были довольны. Все пока складывалось по плану. Давно ожидаемый телефонный звонок прозвучал вовремя, машина завелась без проблем, снегу насыпало за ночь не много – все было чики-пики.

Нельзя сказать, что удовлетворен был бывший охранник семьи Чайкиных, Громов, но он об этом никому не сказал. Так уж сложилось.

Олег Анатольевич Липский за утренним кофе принял, наконец, решение отправить сына в Англию. Полковник решил, что с введением Гринчука в общество теперь проблем не будет. Граф решил, что такого удачного мероприятия ему проводить еще не доводилось.

Дима решил, что сегодня, сдав дежурство, он поедет к своей девушке, и до послезавтра не будет вылезать из постели. Григорий решил, что...

Все они что-то решали, будучи в полной уверенности, что от их решения что-то зависит. Оказалось, что если и зависит, то совсем немного.

Оказалось, что достаточно мелочи, чтобы жизнь сотен людей изменилась резко и бесповоротно.

Так иногда бывает.

Люди только об этом предпочитают не думать. Люди солнечным ярким январским днем предпочитают смотреть на ярко-голубое небо почти счастливыми глазами, замечать, как здорово смотрится на ветках берез тонкая вязь инея... И не замечать мелочей и ерунды.

Так, Григорий, сидя на переднем сидении «тойоты», возле Лени Липского, не заметил, как тот умудрился зацепить боком при обгоне выдавшую виды зеленую «девятку». Спихватился Гриша только тогда, когда раздался неприятный скрежет.

– Твою мать, – Гриша представил себе, что теперь ему скажет старший Липский, а когда вспомнил, что Леню за руль пускать было вообще нельзя, то от хорошего настроения вообще ничего не осталось.

– Нет, ты видел, что этот лох на дороге вытворяет? – возмутился Леня. – Я ж ему мигал поворотом, он видел, что я шел на обгон.

Из остановившейся «девятки» вылез парень в темной куртке и присел, что-то рассматривая на левом заднем крыле.

Леня выключил мотор.

– Разберись с этим уродом, – приказал он Грише.

Тот оглянулся на Диму.

Тот посмотрел на суетящегося возле «девятки» парня.

– Лучше бы договориться, – неуверенно сказал Григорий. – А то...

Что именно «а то» Дима понимал и сам. Не хватало еще разбираться с Олегом Анатольевичем. А если водила «девятки» сунется в милицию с жалобой, то возможны неприятности. Для охранников, естественно.

– Сходи, глянь, – сказал Дима. – Не думаю, что там много бабок понадобится. На крайняк – предупреди, что он за «тойоту» будет платить.

Гриша выпрыгнул из машины, остановился, чтобы взглянуть на свои повреждения, а потом пошел к «жигулям».

– Что значит – забашлять? – стукнул по рулю Леонид. – Дать уроду в рыло и все. Чего с ним базарить.

Крутой пацан, со злостью подумал Дима. Все знает, все умеет. Машину только водить не научился. В рыло. Тебя бы туда послать разбираться.

Григорий что-то говорил, показывая в стороны «тойоты», водитель «девятки» пожал плечами и указал на свою царапину. Григорий выразительно покрутил пальцем у виска и оглянулся на машину, будто в ожидании поддержки.

Из «девятки» медленно выбрался еще один парень, в красной куртке. Посмотрел на повреждения и что-то сказал Грише. Гришино возмущение было видно даже на расстоянии.

– Вот они сейчас вдвоем начистят Грише рожу, а ты тут сидеть будешь, – сказал Липский.

– Не начистят, – уверенно сказал Дима. – Он сам кому угодно начистит.

– Ну, так и начистил бы, а то стоит такой лошок из «тойоты».

Гриша махнул рукой и пошел к своей машине. Двое из «жигулей» пошли следом, что-то говоря вдогонку. Из машины их голоса слышны не были, но видно было, как вырывается пар изо ртов. Коротко так вырывается, энергично.

Дима приоткрыл дверцу:

– Что там у вас?

– Что там у нас, – зло бросил Гриша. – Пять сотен баксов требуют. Совсем озверели!

– Сколько? – поразился Дима. – Да весь их тарантас не стоит столько.

– Ты думаешь, что крутой? – спросил тот из подошедших, который был в темной куртке.

Теперь стало понятно, что она темно-серая.

– Козлы сраные, – поддержал тот, что был в красной куртке. – Петушить вас некому.

– Давай, Дима, – сказал Липский. – Мыль задницу.

– Ну, ты им сам скажи, – попросил Гриша. – Как с цепи сорвались.

– Мужики, – сказал Дима и открыл дверь пошире. – Давайте разберемся спокойно.

– Ты пойдешь спокойно глянь, чего вы натворили, – «красный» добавил несколько сильных выражений, словно не боясь возможных последствий.

Так с Димой разговаривали редко. И он не привык терпеть подобное обращение. Каким бы придурком ни был Липский-младший, но идея начистить рыло уродам показалась Диме не такой уж плохой.

– Последний раз предлагаю спокойно разобраться, – начал Дима, выходя из машины.

Что-то он хотел сказать еще, но не успел.

В руке «темного» вдруг оказался пистолет.

Выстрел.

Пуля ударила Диму в лицо, выплеснув кровавое месиво на крышу машины. Гриша, стоявший к Диме лицом, успел обернуться к стрелявшему и даже дотянуться до пистолета в кобуре.

Пуля «красного» ткнула его в горло.

Гриша захрипел. Он был очень упорным человеком и, не смотря на рану, все-таки вытащил пистолет из кобуры. В глазах помутилось, но силуэты он еще видел. Если бы патрон был в стволе, то Гриша успел бы, может быть, выстрелить. А так он потратил остаток сил на то, чтобы просто давить на спусковой крючок.

Еще одна пуля ударила в лоб, отбросив его тело к машине.

– Вот и все, – сказал удовлетворенно Леха.

– Как два пальца об асфальт, – сказал Кацо. – Мальчик не собирается уезжать на машине?

– Не собирается, – сказал Леха, – он собирается тихонько перейти в нашу машину.

Правда?

– Правда, – ответил Леонид Липский, зачарованно глядя на кровь.

На белом фоне, под яркими солнечными лучами, кровь смотрелась контрастно. Даже как-то празднично...

... Трупы возле машины обнаружил проезжавший мимо мотоциклист. Он вначале хотел, было, что-нибудь забрать из крутой тачки, но потом здраво рассудил, что так можно и неприятностей огрести. Посему мотоциклист предпочел доехать до ближайшего милицкого поста и сообщить о своей находке.

Еще через час приехали за подполковником милиции Юрием Ивановичем Гринчуком.

Глава 4

Когда в дверь квартиры позвонили, Гринчук еще спал. Домой он приехал поздно, в смысле, рано утром, препроводив вначале Нину домой. Остаток новогодней ночи прошел значительно лучше начала, даже Браток немного оттаял и рассказал несколько историй из своей срочной службы.

Доктор припомнил пару историй из своей давней лечебной практики, еще из тех далеких времен, когда его именовали по имени-отчеству, и когда он еще не стал полноправным членом славного общества бомжей.

Смеялись все. Ирина, которая после похорон своего мужа, Тотошки, вела себя замкнуто, пару раз улыбнулась. Хорошо закончилась новогодняя ночь.

И, как всякая хорошо проведенная новогодняя ночь закончилась она ранним визитом. Обычно приходят приятели, не догулявшие вчера. Это было первое, что вспомнил Гринчук, услышав звонок в дверь. Потом он вспомнил, что таких назойливых приятелей у него не было. Последние три месяца так точно. Представить себе, что, скажем, Гиря мог свободно припереться в охраняемый дом, в который переехал Гринчук, было сложно даже спросонья.

Гринчук оторвал голову от подушки и осмотрелся. Мундир он все-таки аккуратно повесил на вешалку, а не швырнул в угол комнаты. Особого хаоса в комнате не было, как, впрочем, и порядка. В целом, все как обычно.

Пистолет лежал на подоконнике.

Снова позвонили в дверь.

Гринчук сел на краю кровати, потер лицо. Явно кто-то из своих. Не друзей, но соседей. Чужие по дому не ходят. За чем другим, а за этим охрана следит строго. И если бы пришел кто-то со стороны, то охранник снизу, от входной двери, позвонил бы вначале Гринчуку и очень вежливо поинтересовался, а не возражает ли Юрий Иванович, чтобы к нему в гости пришел господин Пупкин.

Но на этот раз звонили прямо в дверь.

Гринчук встал. Не торопясь и не обращая особого внимания на участившиеся звонки. Если кто-то торопится, значит, это нужно ему. Гринчуку это не нужно. Во всяком случае, пока. Михаил или Браток открыли бы дверь своими ключами.

Гринчук подошел в дверь и посмотрел в глазок. Привычка эта у него выработалась давно, много усилий не требовала, а в жизни пригодиться могла.

Перед дверью стояло два молодых человека, которых Гринчук опознал, как работников службы безопасности. Не тех служб безопасности, которые заводили себе Новые, а той Службы, которая осуществляла меры по общей для всех Новых безопасности. Они охраняли большой дом, загородный дачный поселок, вечер в доме отдыха в новогоднюю ночь.

– Что нужно? – спросил Гринчук.

– Вас просил приехать Владимир Родионыч, – сказал один из охранников.

– Сейчас, – ответил Гринчук. – Я оденусь.

– Впустите нас, пожалуйста, – попросил охранник.

– Пописять? – спросил Гринчук. – Я же сказал, оденусь, выйду.

Нечего кому попало шлаться по его квартире. Даже охранникам. Тем более, охранникам. В конце концов, подумал Гринчук, вначале показывают разрешение прокурора на обыск, а потом входят. Он это знал твердо. Хотя сам, частенько, входил и без разрешения. Правда, и впустить он не просил. Просто входил.

Охранники поняли бесперспективность переговоров через закрытую дверь и затихли.

Вот и славно. Это давало возможность Гринчуку спокойно одеться и заодно обдумать происходящее. Обдумывать происходящее, это тоже была давняя полезная привычка Зеленого.

Гринчук поднял с пола свой телефон, дважды нажал на кнопку. Подождал несколько секунд. Нажал еще одну кнопку и бросил телефон на кровать.

После вчерашнего показательного выступления оперативно-контрольного отдела Владимир Родионыч мог захотеть пообщаться с его начальником. Наметить перспективы сотрудничества и поинтересоваться, отчего же в своих разоблачениях подполковник Гринчук не затронул самых уважаемых членов сообщества. Или попросить выполнить какое-нибудь конкретное задание. Или намекнуть, что в дальнейшем оперативникам надлежит вначале думать, а потом уж действовать. Или спросить разрешение перед тем, как действовать.

Вполне мог Владимир Родионыч захотеть встречи.

Хотя обычно он связывался с Гринчуком через Полковника. Решил связаться напрямую? Очень может быть.

– Очень может быть! – громко сказал подполковник Гринчук.

Задумавшись на секунду, стоит принять душ, или лучше не тянуть время, Гринчук решил, что раз уж прислали людей, значит нужно поспешить.

Мундир надевать Гринчук тоже не стал. Хвати этого баловства. Пистолет... Гринчук взял пистолет с подоконника, отнес его в спрятанный

под кроватью сейф.

Джинсы, рубашка, свитер, куртка, шапка. Телефон.

Можно было бы позвонить Владимиру Родионычу, спросить, но личного телефона Родионыча Гринчуку узнать так и не удалось. За три месяца.

Звонить Полковнику? Ладно, не будем беспокоить пожилого человека.

Гринчук открыл дверь квартиры.

– Здрасьте поближе, – сказал он двум охранникам.

Трем. Один топтался возле лифта.

Охранники промолчали.

– Ох, рано встает охрана, – пропел Гринчук, дружелюбно улыбаясь.

Песню парни не подхватили и на улыбку не ответили.

Гринчук подошел к лифту. Вошел. За ним вошли трое охранников. Крепкие уверенные парни. В куртках. Куртки расстегнуты.

Интересное кино, подумал Гринчук, когда лифт поехал вниз, в подземный гараж. Офис Владимира Родионыча был на седьмом этаже. Гринчук жил на пятом.

Хотя, Владимир Родионыч мог еще в дом не приехать, а ночевать, скажем, за городом.

Охранники вышли из лифта и отправились к сиреневому «вольво». Двое сели вперед, один, пропустив Гринчука, сел возле него на заднее сидение.

– Надо было мне голову придержать, – не обращаясь ни к кому конкретно, сказал Гринчук.

– Это еще зачем? – спросил тот охранник, который сидел возле водителя.

Похоже, этот красавец в органах не служил, подумал Гринчук. И зовут его, кажется, Сергей. Точно, Сергей. Он занимается айкидо, левша, пистолет носит в поясной кобуре. Михаил утверждал, что по внешним признакам Сергей, скорее, силовик, чем аналитик или филер.

– А голову, голуба моя, нужно придерживать задержанному, чтобы он не стукнулся, не дай бог, а потом не подал жалобу на зверства органов. Ферштеен? – Гринчук искоса посмотрел на своего соседа справа.

Егор. Самбист. Спокойный и рассудительный. Не пьет и не курит.

А водителем сегодня – еще один Сергей. Прозвище – Ветер. Бокс и стрельба. И что это дает к общей картине?

Машина выехала из гаража, свернула налево, к выезду из города.

Трое охранников молчали, молчал и Гринчук. А о чем, собственно, говорить? Теперь уже от самого Зеленого ничего не зависело. Почти ничего. На месте все расскажут.

Блок-пост на выезде прошли, не задерживаясь. Отъехав еще с полкилометра, машина остановилась.

Ну-ка, ну-ка, подумал Гринчук. Место было уединенное, в самый раз для развития драматических событий.

Егор откашлялся. Сергей и Ветер оглянулись, причем Сергей, вроде как невзначай сунул руку под куртку.

– Давайте, служивые, выкладывайте, – поощрительно улыбнулся Гринчук.

– Мы извиняемся, Юрий Иванович, но мы должны надеть на вас наручники, – сказал Егор.

– А если я не извиню, то вы можете применить оружие? – спросил Гринчук.

– Можем применить шокер, – сказал Сергей. – Показать?

– И то верно, зачем машину портить, кровью заливать. Помните, как в «Криминальном чтиве»? Бац, и вся машина в киселе, – улыбка Гринчука стала просто лучезарной. – Давненько меня не арестовывали.

Зеленый соврал, не арестовывали его никогда, но настроение у подполковника вдруг значительно улучшилось и потянуло на шутки. Как, впрочем, всегда в экстремальных ситуациях.

Гринчук медленно, чтобы не раздражать напряженных охранников, протянул руки вперед, к Сергею. Но наручники защелкнул Ветер.

Толково, мысленно одобрил Гринчук. Сергей руку с оружия так и не убрал.

– Или вы хотите защелкнуть мне руки сзади? – осведомился Гринчук.

– Ничего, можно и спереди, – сказал Егор. – Можно?..

– Карманы посмотреть? Сколько угодно.

Егор быстро ощупал одежду Гринчука, вытащил бумажник, заглянул во внутрь и сунул его на место.

– Когда я еду с друзьями за город, – сказал Гринчук, – я оружия с собой не беру.

Машина тронулась. Все молчали.

Наручники и обыск ничего особо нового к общей картине не добавили. Понятно стало только, что кто бы ни присылал за Гринчуком посыльных, разговор планировал серьезный и малоприятный. И все обставил так, чтобы избежать излишнего риска. Правда, сам Гринчук уже отметил пару недоработок, но указывать на них охранникам пока не собирался.

Все свое время. Пару часиков у них есть. Но не больше. И главное тут, при любом раскладе, не ошибиться.

* * *

– А мне кажется, – сказал Полковник, – что вы ошибаетесь.

Полковник не выпался. То, что был похищен Леонид Липский радовало мало, но то, что Владимир Родионыч решил действовать в этой непростой ситуации через службу безопасности, вообще злило.

– Ведь мы с вами для того и задумали...

– Извините, Полковник, но задумали все это как раз вы, а я пошел у вас на поводу, – устало сказал Владимир Родионыч. – Это, конечно, не снимает с меня ответственности, но позволяет самостоятельно принимать некоторые решения.

– Вот именно, – вмешался Олег Анатольевич Липский. – Этот ваш подполковник должен ответить...

Полковник раздраженно бросил на стол карандаш, который перед этим вертел между пальцев:

– Я искренне сочувствую вашему горю, Олег Анатольевич, но буду вам признателен, если вы оставите свое мнение при себе.

– Но позвольте... – возмутился Липский. – Это моего сына похитили, между прочим. И я хотел бы...

– Единственно, чего вы должны сейчас хотеть, так это увидеть своего сына живым и здоровым, – отрезал Полковник. – А для этого нужно дать возможность работать профессионалам.

– Вот именно, – кивнул Владимир Родионыч. – А Игорь Иванович – именно профессионал. И вы этого, Полковник, отрицать не сможете. Посему, мое решение о передаче этого дела Игорю Ивановичу правильно.

– И то, что он решил задержать...

– Пригласить, – поправил Владимир Родионыч. – Пригласить Юрия Ивановича Гринчука для разговора – это его право. И, если хотите, обязанность. И он может делать все, что угодно, лишь бы вернуть парня.

– Да... – попытался снова вставить свое слово Липский.

– Да замолчите, вы, – чуть повысил голос Владимир Родионыч. – Мы делаем все возможное.

– Я бы хотел сам присутствовать при допросе этого подполковника, – сказал Липский. – Я имею право.

Полковник ударил кулаком по ручке кресла.

– Не будет никакого допроса, – сказал Владимир Родионыч. – Будет просто беседа. Беседа двух профессионалов. Я полагаю, корректная беседа.

* * *

– И ногти, если будет нужно, я тебе сам рвать буду, – сказал профессионал Игорь Иванович Шмель профессионалу Юрию Ивановичу Гринчуку.

Шмель взял резкий тон с самого начала разговора. Гринчук держался спокойно и естественно, насколько это возможно для человека в наручниках.

В поселок они не приехали.

Машина свернула с дороги раньше, немного попетляла по лесу и остановилась у здания каких-то мастерских. Явно давно заброшенных. Серый бетонный куб готовился перейти из категории строений в категорию руин, но еще лет пять у него было.

Гринчука извлекли из машины, заботливо пригнув голову.

Во дворе, перед входом в здание стояло три машины, и пара ребят из службы безопасности. Еще пару Гринчук засек в окно машины, когда ехали через лес.

Та пара маячила среди деревьев, держа под наблюдением дорогу. И, как успел заметить Гринчук, пара была вооружена автоматами. Из этого следовало, что все очень напряжено и готово к бою.

Начальник службы безопасности, официально зарегистрированной, как охранный агент-ство «Булат», Игорь Иванович Шмель, тоже был очень напряжен и готов к бою.

Во всяком случае, беседу профессионалов он начал просто и доступно. С угроз.

Игорь Иванович Шмель в нескольких словах разъяснил гостю, что он, Шмель, может ему, гостю, разорвать все, что вообще разрывается, если он, гость, не расскажет ему, Шмелю, что именно произошло с Леонидом Липским.

– А что, – спросил Гринчук, – с Леонидом Липским что-нибудь произошло?

– А ты не знаешь?

– Вы... – Гринчук сделал ударение на «вы», – полагаете, что я должен что-то знать о Леониде Липском? С каких это хренов? И вообще, я не совсем понимаю, с каких это... э-э... чудес, директор охранного агентства допрашивает подполковника милиции? Директору охранного агентства надоело быть директором охранного агентства? И захотелось на зону?

– Нету здесь никакого подполковника, – взревел Шмель. – Есть только урод, который каким-то образом получил от уважаемых людей разрешение лезть не в свои дела. Теперь вот, правда, уважаемые люди одумались, и попросили меня разобраться с тобой...

Гринчук приподнял бровь. Он умел классно приподнимать бровь. Он довел это свое умение до такого совершенства, что бывшее начальство приходило в ярость сразу же, увидев это движение.

– С вами, – поправил себя Шмель.

– И для этого нужно было тащить меня хрен знает куда, надевать на меня железяки, орать на меня благим матом и даже, извините, заплевать мне рукав куртки? – Гринчук умел быть очень обаятельным, когда хотел.

Сейчас он этого не хотел. Сейчас он хотел помочь Шмелю дойти до белого каления. В конце концов, тот и сам к этому стремится.

Вот сейчас было похоже, что сорокапятилетний директор охранного агентства взорвется. Во все стороны рванется шипящий обжигающий пар, а крышка черепа с жестяным дребезгом отлетит в угол ободранной комнаты. Или все это произойдет через секунду.

Но сам Шмель это тоже понял. Или почувствовал.

Он замолчал, поправил галстук и несколько раз глубоко вздохнул, закрыв глаза.

– Ну, можем, – не мог не отметить Гринчук, видя, как кровь медленно отливает от лица Шмеля, возвращая ему естественный цвет. – А теперь без крика, сорванного голоса и ногтей – что, где, когда. И в чем, собственно, меня обвиняют. И где, в таком случае, мой адвокат? И могу ли я воспользоваться своим правом на один звонок?

Шмель достал из внутреннего кармана пальто флягу, медленно, нарочито медленно, открутил крышку и сделал глоток.

– Мне не предлагайте, я брезгливый, – сказал торопливо Гринчук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.